

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт лингвистики и международных коммуникаций
Кафедра «Международные отношения, политология и регионоведение»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой, к. т. н.,
доцент
_____ Л. И. Шестакова
«_____» _____ 2019 г.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КНР В 1978–1989 ГГ.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ–41.03.01.2019.415. ВКР

Руководитель работы, д. и. н.,
профессор
_____ А. Д. Таиров
_____ 2019 г.

Автор работы
студент группы ЛМ-405
_____ М. Е. Барков
_____ 2019 г.

Нормоконтролер, профессор
_____ А. Д. Таиров
_____ 2019 г.

Челябинск 2019

АННОТАЦИЯ

Барков М.Е. Социально-политические процессы в КНР в 1978–1989 гг. – Челябинск: ЮУрГУ (НИУ), ЛМ-405, 79 с., библиогр. список – 22 наим.

В работе рассматриваются социально-политические процессы в КНР в 1978–1989 гг. В качестве основных источников использованы ежегодные научные издания, дающие описание состояния КНР по годам, монографии ученых-востоковедов, научные статьи, стенограммы заседаний ЦК КПК. Работа состоит из трех глав: описание социально-политических процессов в периоды 1976–1978 гг., 1979–1985 гг. и 1985–1989 гг. Социально-политические процессы того времени характеризуются изменением политики государства в отношении экономической сферы, переходом к рыночным процессам и либерализацией общества.

Объектом работы являются социально-политические процессы в КНР в 1978–1989 гг.

Цель работы – собрать данные по вышеуказанным процессам, структурировать эти данные и на их основе сделать вывод о ситуации в КНР в указанный период.

В результате работы был проведен анализ изменения государственной политики в рассматриваемый период и реакции общества на эти изменения.

Теоретические результаты работы могут быть использованы для подготовки по новейшей истории Китая, политологии, экономики, социологии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1 СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КНР В 1976–1978 ГГ.....	6
2 СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КНР В 1979–1985 ГГ.....	17
3 СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КНР В 1985–1989 ГГ.....	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	70
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	74

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время Китайская Народная Республика переживает мощный экономический подъем. Многие страны активно ведут с ней торговлю, размещают на территории этого государства свои производства. Огромное количество людей со всего света приезжает в Китай на обучение, ведь дипломы китайских университетов высоко ценятся в мире. Все это произошло благодаря реформам Дэн Сяопина, и изучение первого их этапа, в настоящее время, является крайне актуальным.

Сложно сказать, насколько изучена данная тема. С одной стороны, с точки зрения исторического процесса, с момента начала реформ прошло совсем немного времени – всего более 30 лет, но, с другой стороны, сами преобразования настолько коренным образом изменили жизнь Китая, что некоторые исследователи, как В.Г. Гельбрас постарались, не выжидая долго, описать перемены. Ученый Д.А. Смирнов подготовил монографию «Идейно-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину», в которой описывает изменения в политике и идеологии в этот период. Присутствуют, также, материалы, раскрывающие сложную социально-политическую ситуацию и борьбу идеологий в китайском обществе. Например, Динсинь Чжао в своей работе «The power of Tiananmen. State-Society Relations and the 1989 Beijing Student Movement» описывает борьбу старой идеологии, представленной партией, и обновленной, представленной студентами, которая вылилась в протесты на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. К тому же, в СССР выпускались ежегодные издания, которые описывали

состояние КНР по годам. Данные из этих источников можно использовать для анализа хода реформ.

Целью работы является характеристика социально-политических процессов в Китайской Народной Республике в период 1978–1989 годов. Соответственно, задачами работы является определение сущности социально-политических процессов на трех основных этапах исследуемого периода. Объектом исследования является история КНР в 1980-х годах, а предметом – социально-политические процессы, вызванные реформами, которые начались под руководством Дэн Сяопина. В практической плоскости данную работу можно применять в целях изучения социально-политических процессов в КНР в 1978–1989 гг.

1 СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КНР В 1976–1978 ГГ.

Для того, чтобы перейти к описанию процессов, происходивших в стране после исторического 3 пленума ЦК КПК 11-го созыва, необходимо обозреть период, который стал своеобразным плацдармом для этого пленума и реформ, происходящих после него.

Социально-политические процессы этого периода в первую очередь обусловлена крайне напряженной политической борьбой, развернувшейся после смерти Мао Цзэдуна в сентябре 1976 г., поскольку Китай являлся на тот момент страной с очень жесткой плановой экономикой, которая не могла функционировать без государственного, политического вмешательства. В силу того, что этот период является довольно коротким, необходимо дать общую обзорную характеристику, без деления на социальные и политические процессы.

Смерть Мао Цзэдуна коренным образом изменила политическую обстановку в стране. Во многом, страна и партия держались на его личности, на его харизме. Таким образом, смерть вождя образовала своеобразный политический и властный вакуум, а страна оказалась «чистым листом». Существующее руководство, во главе с утверждённым 7 октября Политбюро ЦК Председателем ЦК КПК Хуа Гофэном, сохраняло свою власть, но внутри него происходили процессы разбивки на различные партии, которые искали новые пути развития страны. Группировки «сторонников культурной революции», «умеренных» и военных имели свои виды на власть в стране. Используя имя Мао Цзэдуна, каждый из них пытался доказать

несостоятельность претензий на власть остальных партий. Одним из важнейших аспектов этого периода оказался выбор Хуа Гофэна, официального преемника Мао Цзэдуна, в пользу союза с военными, не в последнюю очередь благодаря тому, что они обладали настоящими возможностями по контролю внутригосударственной обстановки [1].

Первые признаки изменения курса общественного развития были видны уже после ареста «банды четырёх», когда в прессе стала явно проявляться поддержка синергии продолжения революции и научного подхода. Проблема, однако, заключалась в том, что никто из правящего класса тогда не мог решиться однозначно определить, до какой степени можно возвышать вышеупомянутый научный подход и прагматику, и делать уступки на пути революции; не были проведены чёткие разделы между идеями, высказывавшимися Хуа Гофэном тогда, и идеями, которые уже были провозглашены предыдущими поколениями политиков-прагматиков. Хуа Гофэн также не отличался харизмой, которой обладал Мао Цзэдун, поэтому не мог столь эффективно использовать методы политической работы предыдущего вождя. Однако, у него было преимущество поста главного редактора пятого тома «Избранных произведений Мао Цзэдуна», благодаря которому Хуа Гофэн принял на себя роль главного толкователя политической воли предшественника, что, в свою очередь, придавало ему часть легитимности, которой обладал сам Мао Цзэдун в глазах Китая. Таким образом, в феврале 1977 года Хуа Гофэн объявил о необходимости «твердо отстаивать абсолютно все решения председателя Мао, неуклонно следовать абсолютно всем указаниям председателя Мао», а также, используя цитаты Мао Цзэдуна, он раскритиковал политику «банды четырёх», направленную на продолжение классового борьбы. Однако, несмотря на всё это, Хуа Гофэн так и не смог представить в теории и воплотить на практике какие-либо новые государственные проекты, вместо продолжения старых начинаний Мао Цзэдуна. И даже для продолжения начинаний Мао, у Хуа Гофэна не было качественного подготовленных кадров, как не было и возможностей для корректировки этих начинаний [1].

В этот период на передний план начали выходить сторонники Хуа Гофэна, такие как председатель ПК ВСНП и руководитель военного совета ЦК Е Цзяньинь, заместитель премьера госсовета Ли Сяньнянь, а также близкие им Дэн Сяопин и Чэнь Юнь. Они оба были в опале во время правления Мао Цзэдуна. Так, Чэнь Юнь, на начальном этапе эпохи «культурной революции» был подвергнут критике за свои экономические взгляды, призывавшие к адекватному соотношению возможностей государства и требований плана, к обязательному учету экономических расчетов и к адекватной оценке роли науки и ученых [12]. Их основной мыслью было то, что в будущем именно экономическое благосостояние населения будет определять то, насколько крепкие позиции будет занимать власть в обществе. Руководство, пришедшее после Мао Цзэдуна, в первую очередь должно было решить одну из главных проблем, вызванных «культурной революцией» – кризис идеологии, возникший в следствие неспособности теории классовой борьбы регулировать отношение между властью и обществом. Этого можно было добиться, пересмотрев взаимосвязь политики и экономики, идеологии и интересами государства [1].

В апреле-мае 1977 г. Хуа Гофэн провозгласил разгром «банды четырёх» революцией, уничтожившей барьеры для развития производственных сил, и дал установку на новый курс, так называемый «новый большой скачок», который включал в себя модернизацию сельского хозяйства, промышленности, обороны, техники. Одной из важнейших целей, в том числе, являлась цель «за несколько десятилетий перегнать в экономическом плане США». Несмотря на признание экономического развития целью революции, и лозунги «поместить политику и экономику в одну корзину», социально-экономические методы, избранные Хуа Гофэном, оставались прежними [1].

Следующим этапом, после признания экономики равной политике по важности явилось изменение основной на протяжении предыдущих 20 лет эгалитаристской трактовки социалистического принципа распределения. Принцип «от каждого по способностям» должен был быть заменен на распределение по труду,

а «коммунистическая сознательность рабочих» – на социалистическое соревнование. Стоит упомянуть, что обсуждение материального стимулирования началось ещё до XI съезда КПК, и уже после проведения съезда она смогла достичь своих целей: был восстановлен социалистический принцип социальной справедливости, под вопрос были поставлены базовые принципы марксизма, началось беспрецедентно широкое обсуждение экономических вопросов, включавшее в себя обсуждение государственного плана и рынка, производства товаров, материального стимулирования и прочее. Официальная пресса того периода утверждала, что результатом программы «четырёх модернизаций» должно стать улучшение материальной и духовной жизни граждан. В некоторых случаях даже звучали призывы к «переносу центра тяжести на экономическое строительство», не забывая, при этом, о «командном месте политики» [1].

Исходя из этого, основной целью XI съезда КПК, который состоялся в августе 1977 года явилось утверждение легитимности нового руководства. Коренных изменений в программе развития не было принято, такой задачи не стояло, были сохранены основные черты уже существовавшей социально-экономической политики, закреплён политический компромисс, при котором тезис о продолжающейся революции под руководством диктатуры пролетариата и возможном повторении «культурной революции» сопрягались с характеристикой основного противоречия между производственными отношениями и производственными силами. Всё это говорило о возвращении линии партии в марксистское русло. Осенью 1977 года были возвращены денежные расчеты в сельском хозяйстве и подняты зарплаты в производстве, что стало причиной как увеличения производительности труда, так и закрепления позиций новой власти в глаза населения. Однако, само по себе это решение не оказалось достаточным для преодоления её непоследовательной политики [1].

На фоне неспособности Хуа Гофэна и его сторонников предложить кардинально новые решения, выходящие за рамки, установленные существующим курсом, политический вес начал набирать Дэн Сяопин. Прагматики искали нового,

сильного лидера, который был бы в состоянии создать новую программу государственного строительства. Дэн Сяопин же, ещё даже до своего официального восстановления на должности в июле 1977 года открыто выступил против положений «культурной революции», что расценивалось как претензия на лидерство и политическую инициативу. Его позиция была основана не на слепом следовании заветам Мао Цзэдуна, а на эффективных практических действиях, позволявших завоевать авторитет. Вместо «двух абсолютов» Хуа Гофэна, Дэн Сяопин предложил рассматривать учение Мао Цзэдуна как «развитие марксизма-ленинизма не в отдельных аспектах, а целом ряде областей», как «систему взглядов», что придало ему методологический характер, вместо аксиологического. Дискуссия о практике как единственном критерии истины имела большое значение для становления Дэн Сяопина, так как она со временем перешла в массовую идейно-политическую компанию, благодаря которой Дэн Сяопин смог найти новых сторонников и укрепить свой авторитет [1].

Важнейшим идейно-теоретическим положением, сформулированным Дэн Сяопином явилось то, что основные принципы марксизма-ленинизма и учения Мао Цзэдуна нарушены быть не должны, однако они должны быть соединены с реальной действительностью. Это пошатнуло позиции Хуа Гофэна, слепо следовавшего идеям предыдущего вождя. Ближе к осени 1978 года в прессе всё чаще стали появляться мнение авторитетной части руководства КПК, гласившее, что «политика не может существовать в отрыве от экономических законов» и что не классовая борьба должна быть главной целью социализма, а повышение уровня благосостояния населения.

Окончательно решение о переносе центра тяжести на экономическое развитие было принято на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978. Он явился своеобразным итогом переходного периода 1976–1978 гг.

Политические процессы, происходящие в стране, закладывали основу для будущего экономического роста. Однако какой была ситуация в социально-экономическом плане в этот переходный период, и какие процессы имели место?

К переходному периоду Китайская Народная Республика пришла в очень тяжелом социально-экономическом состоянии. Так, прирост производства промышленной продукции в 1976 г. составил всего 1.3 %, средняя заработная плата рабочих и служащих государственного сектора составляла 616 юаней в год – на 6.8 % меньше показателей 1964 г. и на 3 % меньше показателей 1957 г. К концу 1970-х гг. около 100 млн человек находились на грани голода. В среднем по стране, на 1976 г. на одного человека приходилось 8 кг мяса и 1 кг молока в год, тогда как общемировой уровень, составлял соответственно 30 кг мяса и 105 кг молока в год. Среднедушевое потребление зерна в 1978 г. составило 195 кг против 204,5 кг в 1956 г. [12].

Остро стоял вопрос занятости, ведь каждый год в среднем 3.5 млн городского населения и 20 млн сельского населения вступало в трудоспособный возраст. Распределение труда в 1976 году было таковым: из 388,3 млн человек занятых в трудовой деятельности служащих и рабочих было 86,73 млн, крестьян – 301,4 млн, и 0.19 млн занимались индивидуальным (семейным) хозяйством в городах [2].

Финансовая ситуация в стране также оставляла желать лучшего. Дефицит бюджета в 1976 году составил 2960 млн юаней, доля убыточных государственных предприятий в этом же году составляла 37,2 %, а сумма убытков – 7,3 млрд юаней. В течение пяти первых месяцев 1977 г. сумма убытков производственных предприятий возросла на 35 % по сравнению с первыми пятью месяцами 1976 г [2].

Что касается социально-экономических процессов, то, естественно, сразу после смерти Мао Цзэдуна и смены руководства коренного изменения ситуации не произошло. Тем более, что Хуа Гофэн собирался продолжать курс, установленный предыдущим вождем, с возможным повторением «культурной революции». Хотя, конечно, некоторые положительные тенденции наметились уже тогда.

В первую очередь, за период 1976–1978 годов правительство смогло определить и собрать данные о проблемах, которые возникли в годы «культурной революции». В частности, это и убыточные предприятия, которым являлось каждое третье-четвертое, это и дезорганизованная система управления на трети предпри-

ятий, 20 млн безработных, и непосильные для крестьян объемы производственной нагрузки и бремени [2; 18].

В народных коммунах сохранялась «трехступенчатая» форма собственности, однако предполагался переход статуса основной хозрасчетной единицы от «производственной бригады» к «большой бригаде». Планировалось, что к 1978 г. 10 % «больших бригад» должны были стать основными хозрасчетными единицами [2].

Была вновь принята программа «четырёх модернизаций». Изначально она была предложена еще Чжоу Эньлаем в конце 1964 г. на ВСНП 3-го созыва, в предшествии рассмотрения третьего пятилетнего плана развития (1966–1970 гг.). Программа предполагала установление цели развития Китайской Народной Республики к концу XX в., однако не обладала четкими определениями ступеней модернизации, так что всё, что было предложено – это лишь лозунги. В период после смерти Мао эта программа стала восприниматься как антипод гораздо более радикальной идеологии Мао Цзэдуна, призывавшей к перманентной революции при диктатуре пролетариата. Правда, энтузиазм Хуа Гофэна по поводу проведения политики «четырёх модернизаций» настолько напугала членов партии, что в апреле 1977 г. ветеран партии Сюэ Муцяо написал письмо Дэн Сяопину и Ли Сяньняню, в котором выражал свои страхи о возможности нового «большого скачка». Политические деятели позже пренебрежительно назвали политику Хуа Гофэна «скачком вовне» [9].

Политика «скачка вовне» началась в конце 1977 г. В течение того года производство в стране выросло на 7,6 %, а из 80 видов промышленного сырья 52 были произведены в рекордных объемах. Рекорд также был побит в и плане бюджетных доходов, сумма которых превысила плановые на 6 %. Подобные успехи, вкупе с желанием как можно быстрее наверстать упущенное за годы «культурной революции» вдохновили Хуа Гофэна и его соратников, включавших в себя Дэн Сяопина и Ли Сяньняня реабилитировать десятилетний план 1976–1985 гг. Этот план был составлен еще в 1975 г. Дэн Сяопином, но ввиду его отставки план не реализовали [9].

Этот план обычно подвергается критике из-за чрезмерно завышенных ожиданий, которые были возложены правительством на экономику. Но это не совсем так, показатели, на самом деле, не были нереалистичными. Взять, например, зерно и сталь, одни из самых важных видов сырья в китайской экономике. Так, согласно десятилетнему плану, в 1985 г. предполагалось увеличение мощностей производства до 400 миллиардов кг в год для зерна и 60 млн тонн для стали. В реальности, в 1985 г. было произведено 379 млрд кг зерна (на 5,25 % ниже плана) и 46,8 млн тонн стали (на 22 % ниже плана). Через два года план по зерну удалось перевыполнить, а через четыре года был перевыполнен план по стали. Основная проблема была не в цифрах плана [9].

План 1976–1985 гг. предполагал строительство и запуск 120 новых промышленных объектов, среди которых было 30 электростанций, 10 центров по производству химических удобрений, 10 предприятий в сфере черной металлургии, 10 в сфере цветной металлургии, 10 нефтехимических комплексов, восемь угольных месторождений, 10 нефтяных и газовых месторождений, шесть линий железной дороги и несколько портов. Предполагался импорт зарубежных технологий для функционирования этих предприятий и, тем самым, поддержания плановой экономики. Государство проводило инвестиции в создание этих объектов, а сам процесс затрагивал, в основном, тяжелое производство. Вообще, по своей схеме, этот десятилетний план был очень похож на пятилетний план 1953–1957 гг., когда Китай с помощью Советского Союза предполагал создать 156 новых объектов промышленности [9].

Для реализации этой части десятилетнего плана Китаю требовались денежные ресурсы, и именно здесь команда реформаторов совершила свою главную ошибку. Они не смогли адекватно оценить объем средств, которые могут принести предполагаемые источники средств (в первую очередь, экспорт нефти и других энергоресурсов) и проблемы, которые могут возникнуть в процессе привлечения средств на международных рынках. Финансовые сложности привели к тому, что из 22 проектов, которые были начаты в 1978 году, до завершения дошли только девять. Важно

также указать на то, что основной упор был сделан на материально-техническую часть, то есть, на производственные мощности и оборудование. Однако, они проигнорировали менеджмент и освоение зарубежных технологий, не смогли создать систему сообщения между заводами, поставщиками сырья и потребителями. Это привело к недостаточной нагрузке новых производств, и, из-за своего отрыва от экономики, в следствие свой государственной природы, они не смогли стимулировать распространение новых технологий в других, непромышленных областях производства. Неудовлетворительные результаты «скачка вовне» и проблемы с финансированием привели к его завершению в апреле 1979 на рабочем совещании ЦК КПК [9].

Однако, одним из важнейших опытов, приобретенных китайским правительством во время этого «скачка» был опыт привлечения займов в странах Запада. Конечно, такой опыт не был совсем чужд Китаю, однако Хуа Гофэн смог шагнуть в этом направлении гораздо дальше, чем его предшественники. До 1978 г. Китай выступал резко против использования иностранного капитала, но в июне того года вице-премьер Гу Му смог привести аргументы в пользу выборочного использования зарубежного капитала для модернизации экономики, которые убедили партию не отказываться от такого источника финансирования. Хуа Гофэн и Дэн Сяопин поддержали эту инициативу. И, хотя китайская экономика тогда приоткрылась мировому рынку всего на год, и, как новый игрок, могла брать только краткосрочные кредиты, этот опыт оказался крайне полезным для китайских государственных чиновников. Они познакомились с современными на тот момент технологиями, капитализмом, и смогли на практике поработать с капиталом [9].

«Скачок вовне» был самой известной программой переходного периода Хуа Гофэна, но кроме него были приняты многие другие социально-экономические меры. Так, в конце 1976 г. было разрешено «производство и оборот товаров» – производство товаров для обмена. В документе от 5 декабря 1976 г. говорилось: «Необходимо решительно и смело наращивать социалистическое производство и оборот товаров». Этот документ, таким образом, разрешал частную торговлю, за-

прещенную раньше как часть капитализма. К тому же, была возрождена система материального стимулирования, в августе 1977 г. многим рабочим повысили зарплаты, в мае 1978 г. были возвращены бонусы и сдельная плата. Вновь начал работать ценовой механизм, на производства возвращалась трудовая дисциплина.

Также, в конце 1970-х – начале 1980-х в города начала возвращаться молодежь, которую во времена Мао Цзэдуна партия насильно отправляла на работу в деревню. Но этот процесс стал играть ключевую роль в более позднее время.

Таким образом можно сделать вывод о том, что период 1976–1978 гг. был очень важным для дальнейшей истории Китая. Социально-экономические процессы, происходившие тогда, явились первым, маленьким, но очень важным шагом к дальнейшим реформам. Ведь если бы в этот период не произошло понимания, что продолжение социально-экономической политики Мао Цзэдуна приведёт только лишь к негативным последствиям, не было бы и перехода к реформам, которые были начаты уже в 1979 г. Ко всему прочему, это время дало возможность доселе опальным политикам, вроде Дэн Сяопина, выйти на первый план и начать реализовывать свои планы.

Кроме того, в течение этих двух лет правительство Китая смогло успеть получить важный опыт сотрудничества с Западными странами, работы с иностранным капиталом. В дальнейшем этот первый опыт поспособствовал развитию сотрудничества между Китаем и иностранными инвесторами, которые оказали значительную роль в развитии китайской экономики.

Стоит отметить, что на этом этапе уже были проведены некоторые первые реформы, вроде возвращения материального стимулирования, которые смогли дать толчок восстановлению экономики после тяжелых лет «культурной революции». Не все программы, однако, оказались удачными, например, «скачок вовне» был признан неэффективным, но так или иначе даже неудачные инициативы помогли политикам понять, в каком направлении лучше двигаться, какие действия в экономике стоит предпринимать.

2 СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КНР В 1979–1985 ГГ.

Главным событием, определившим начало нового периода в истории Китая, стал третий пленум ЦК КПК 11-го созыва. В первую очередь именно этот пленум ознаменовал выход Дэн Сяопина на первую позицию в китайской политике того времени. На третьем пленуме ЦК КПК 11-го созыва было принято множество экономически важных решений [18]. Они, впоследствии смогли превратить очередную бедную социалистическую страну в одну из первых экономик мира. Хотя, стоит сказать, что нельзя придавать слишком большое значение этому пленуму. Именно успех последующих реформ predetermined «переломность» третьего пленума ЦК КПК 11-го созыва. Если бы эти реформы не увенчались успехом, это событие вряд ли запомнилось. К тому же, на рельсы преобразований китайская экономика, как понятно из предыдущей главы, встала до пленума декабря 1978 г. Он, скорее, помог консолидировать силы вокруг одного лидера, Дэн Сяопина, и внести ясность в дальнейший путь преобразований [9]. Третий пленум ЦК КПК взял на себя задачу разработки нового идеологического базиса для деятельности партии во время перехода от бесконечных политических баталий времен «культурной революции» к нормальной повседневной работе, которую хотело начать новое правительство. Был произведён коренной пересмотр исторической цели социализма. Во время пленума этот аспект был полностью пересмотрен и ныне заключался в повышении качества жизни населения Китая и в подъеме экономики.

Этот идеологический базис был крайне необходим для обоснования проведения реформ, и, в целом, последующей деятельности партии и государства. Важным явилось заявление, которое впоследствии стало обоснованием необходимости проведения экономических реформ и политики открытости: «Осуществление четырех модернизаций требует значительно повысить производительные силы и, стало быть, изменить многие аспекты производственных отношений и надстройки, не отвечающие требованиям развития производительных сил, отказаться от всех негодных форм управления, форм деятельности и образа мышления, и потому является широкой и глубокой революцией». Период 1979–1980 гг. характеризуется корректировкой исторически унаследованных подходов к модернизации страны и определением контуров содержания понятия «модернизация» применительно к Китаю. В 1979 году Дэн Сяопин выделил две важнейшие особенности Китая, которые определяют специфику модернизации китайского типа – слабость экономической основы и многонаселённость при ограниченности пахотных земель. Одновременно патриарх китайской реформы сформулировал четыре основных идеологических и политических принципа: отстаивать социалистический путь, диктатуру пролетариата, руководство Компартии, марксизм-ленинизм – идеи Мао Цзэдуна. Пытаясь достичь повышения эффективности общественного производства, в 1980 году, начались мероприятия, усиливающие децентрализацию экономики. Также проводились реформы по расширению хозяйственной самостоятельности мероприятий. Расширение единоличного сектора, развитие основных принципов рыночной экономики и конкуренции активно поощрялось. Установки Дэн Сяопина довести к концу века среднедушевой валовой национальный продукт Китая до 1000 долл., т.е. увеличить его примерно в 4 раза по сравнению с уровнем 1979 г., и построить к 2000 г. общество «скромного достатка» («сяокан») послужили важнейшими структурообразующими параметрами при дальнейшей разработке концепции модернизации.) Основные направления деятельности нового правительства были направлены на преодоление кризиса потребления, недостатка товаров повседневного пользования, бытовой техники, товаров легкой промыш-

ленности, в частности текстиля. Для решения проблем было решено перераспределить капитал: из тяжелой промышленности деньги были перенаправлены в легкую, военные производства были конвертированы на выпуск продуктов гражданского пользования – велосипеды, холодильники, часы, стиральные машины, телевизоры. Для того, чтобы у народа была возможность покупать все эти товары, правительство пересмотрело тарифные ставки у примерно 40 % рабочих, начало активно выплачивать различные премии и ввело дотации.

Изменившиеся в этот период экономические отношения, в частности, расширение самостоятельности государственных предприятий в отношении их производственной и хозяйственной деятельности, требовали создания новых условий для ее функционирования. Так, правительство Китая приняло решение о создании новой банковской системы, и в 1983 г. Госсовет КНР обнародовал постановление о передаче Народному банку Китая (НБК) функций центрбанка страны. НБК был объявлен государственным органом, который находился под непосредственным управлением Госсовета КНР и НБК управлял всеми финансами страны. При этом, отныне он был освобожден от кредитования предприятий. В его функции теперь входило управление финансовой политикой государства, составление планов государственного кредитования, осуществление централизованного руководства кредитными средствами, распоряжение государственной валютой и золотым запасом Китая, выполнение обязанностей государственного казначейства, учреждение и ликвидация финансовых органов, управление операциями по хранению средств предприятий и сбережений населения, кредитованию промышленности и торговли [2].

Были созданы группы, разрабатывавшие реформы. Так, в 1979 г. была создана группа исследования проблем реформы хозяйственной системы. при финансово-экономическом комитете КНР. Ее задачей являлась подготовка «соответствующего особенностям Китая поэтапного проекта реформ». Для осуществления этой задачи группа проводила исследования вопросов общего направления и главного содержания реформы, прав и ответственности предприятий после передачи им

прав на самостоятельное хозяйствование, вопросов соотношения плана и рынка, административных и экономических методов управления и т.д. Результатом ее работы стал отчет под названием «Первоначальные мнения об общем проекте реформы хозяйственной системы», который стал базовым для начала обсуждения реформ, обмена мнениями. В мае 1980 г. на базе этой группы была основана канцелярия Госсовета КНР по реформе хозяйственной системы, которая была ответственна за координацию реформ на различных направлениях и разработку общей программы реформы [13].

Вопрос реформирования промышленного производства стоял наравне с вопросом реформирования сельского хозяйства. Но для проведения качественных изменений в сфере производства, нужно было, в первую очередь изменить подход к пониманию производственных отношений.

Одним из самых распространенных постулатов политэкономии, которой, естественно, руководствовались в Китае, является то, что «опережение» развития производственных отношений может оказать положительное воздействие на развитие производственных сил, особенно в странах со слаборазвитой экономикой, которым необходимо быстро исправить свое материальное положение. Это является знаком, в первую очередь, того, что в данной экономической теории не было уделено достаточно внимания материальному характеру производственных отношений [11].

Тем не менее, данная позиция разделялась многими членами партии и была главенствующей в КНР до 1980-х гг. Основным аргументом приверженцев данной мысли является то, что более развитые производственные отношения должны, так или иначе, играть роль «локомотива», который бы «тянул» за собой и ускорял развитие производственных отношений. На практике, однако, такая ситуация приводила к несоответствию форм социальной и экономической организации производства, потому что новая, предложенная партией форма организации являлась искусственной, не соотносящейся с реальностью, а это, в итоге, приводило наоборот, к затормаживанию развития. Отсутствие материальной базы для нали-

чия соответственной социально-экономической организации производственных отношений – основа провала данной точки зрения в развивающихся социалистических странах [11].

Но в Китайской Народной Республике такой взгляд на производство продержался вплоть до смерти Мао Цзэдуна. Только после 1976 г. у несогласных с данным воззрением на производственные отношения появилась возможность не только выразить свою точку зрения, но и воплотить ее в жизнь. Передовиком в данном деле был, в первую очередь, Дэн Сяопин.

После Третьего пленума ЦК КПК в конце 1978 г. китайского руководство объявило, что реформа госкомпаний будет главным условием роста социалистической экономики страны. 19 февраля 1979 г. в «Жэньминь Жибао» было напечатано: «Самая неотложная задача нынешней экономической реформы – это расширить самостоятельность крупных государственных предприятий». И данная политика предоставления большей независимости государственным предприятиям и возможности им сохранять часть полученной прибыли, стала краеугольной в последующие несколько лет перестройки экономики [9].

Однако, реформы производства были начаты еще до Третьего пленума. Местные органы власти, близко знакомые с действительностью хозяйственной жизни на производствах, понимали, что улучшение работы госпредприятий станет началом избавления от проблем, которые испытывала социалистическая экономика в КНР. Сутью реформ стало ограничение власти ведомств над государственными предприятиями, предоставление руководителям данных предприятий самостоятельности в принятии решений по некоторым вопросам, например, назначение менеджеров среднего звена (но право на увольнение им не предоставлялось), оставление себе некоторой части прибыли, увеличение производства сверх требований Госплана. Третий пленум, скорее, явился катализатором этой реформы, способствовал ее распространению по стране [9].

И уже в октябре 1978 г. начала поступать информация о первых успехах проведения реформы в провинции Сычуань. Уже к началу 1979 г. число реформиро-

ванных предприятий в этой провинции достигло сотни. В соседней провинции Юньнань в тот период было 50 таких предприятий. Успешный опыт в Сычуане вдохновил Госсовет КНР в мае 1979 г. на проведение такой реформы в восьми крупных государственных компаний в Пекине, Шанхае и Тяньцзине. К концу 1979 г. реформой было затронуто 4200 государственных предприятий, а к 1981 г. в Китае насчитывалось более 6600 реформированных госкомпаний [9].

Упомянутые выше меры по предоставлению большей самостоятельности для директоров госпредприятий были не единственными, принятыми партией. Она также совершила действия по реформированию промышленности. Многие, включая политических деятелей, понимали, что есть два вида ограничений, мешающих работе государственных компаний. Первое, это подчинение предприятий представителям власти, которое случалось из-за невозможности самостоятельного принятия решений. Ведь у предприятий не было прав по установлению, сколько оно хочет производить товара, и какой товар оно вообще хочет производить; кого оно хочет нанять на работу, а кого уволить; в каких объемах и каким образом вознаграждать рабочих и начальство за труд. Поэтому первый этап реформ и сфокусировался на предоставлении большей свободы действий для государственных компаний – они должны были почувствовать себя в условиях, в которых и должен находиться бизнес [9].

Во-вторых, негативный эффект на работу предприятий оказывала их разобщенность. Политика Мао Цзэдуна в отношении государственных компаний заключалась в попытке установления экономической независимости различных административно-территориальных единиц друг от друга. Это привело к ситуации, когда в стране есть много мелких госпредприятий, которые находятся в изоляции друг от друга. Доходило до того, что даже добывающие и обрабатывающие предприятия одной области промышленности не могли работать напрямую, и должны были координировать свое взаимодействие через правительственных чиновников. Такое положение дел не устраивало новое правительство, и в июле 1980 г. Госсовет КНР призвал к объединению и укрупнению государственных компаний. В

сфере машиностроения, которое являлось наиболее разрозненной отраслью народного хозяйства во времена Мао Цзэдуна, в начале 1981 года Госкомитет по машиностроению выступил с предложением к государственным предприятиям о слиянии. Данная инициатива, что примечательно, коснулась не только предприятий, но и госаппарата, ответственного за них. К 1982 г. было создано Национальное бюро машиностроения, которое объединило в себе существовавшие ранее ведомства [9].

Интересным и малоизвестным моментом в истории экономических преобразований является то, что Госсовет КНР решил провести эксперимент с «комплексной реформой национальной экономической системы», охватывающий отдельные города страны. Так, первым городом, в октябре 1981 г. стал город Шаши в провинции Хубэй с населением в 243 тысяч человек. На территории этого города были объединены фирмы, что помогло сократить издержки с помощью укрупнения масштаба производства; предприятиям была дана свобода решения того, какую продукцию оно хочет выпускать; у предприятий была расширена свобода в вопросах кадровой политики; была создана система экономической ответственности руководства предприятия. Эта реформа, позднее, в марте 1982 г. была проведена в Чанчжоу, провинции Цзянсу, городе со схожим, по количеству, населением. В феврале 1983 г. к реформе присоединился Чунцин, который стал первым крупным городом, задействованный в этом движении. В мае этого же года реформа затронула и прочие города, с населением более млн человек – Ухань, Шэньян, Далянь, Харбин, Гуанчжоу и Сиань. И, несмотря на то, что этот эксперимент несколько теряется на фоне создания «особых экономических зон», о нем не стоит забывать. Он является отражением того, что в тот период правительство Китая совершало целенаправленные действия по реформированию промышленности [9].

Реакция предприятий на изменения не заставила себя ждать. Как только они получили в свои руки права по самостоятельному принятию управленческих решений, возросли как объемы производства и эффективность работы, так и доходы рабочих. До этого, в течение нескольких лет, зарплата рабочих не росла. К концу

1980 г. на предприятиях была введена система контрактов. Она, во-первых, устанавливала, какие обязанности есть у руководителя предприятия, а во-вторых, давала им независимость в рамках компетенций. Но самым главным результатом реформы было то прекращение монополии централизованного планирования в организации промышленного производства. Важно еще и то, что это действие реформы не исчезло и по сей день [9]. Именно тогда появилась так называемая «двухрельсовая система», когда государственные компании имели возможность, после выполнения государственного плана по производству продукции, начать производить также продукцию для рыночной реализации [18]. Это положило начало сосуществованию в китайском экономическом поле элементов как рынка, так и плановой экономики. Это позволило рыночным механизмам родиться при отсутствии массовой приватизации и при явном доминировании государственного сектора [9].

Однако, на этом этапе реформ промышленности, улучшения ситуации в экономике не наблюдалось. Наоборот, из-за того, что компании начали удерживать часть прибыли для дальнейшего инвестирования в производство и повышения выплат сотрудникам, налоговые поступления в бюджет с их стороны снизились. Это вызвало угрозу дефицита бюджета и начала инфляции – явления, доселе незнакомого Китаю, и считавшегося бичом капиталистических стран. К тому же, экономика Китайской Народной Республики все еще продолжала испытывать негативные последствия «скачка вовне», и новое падение не только усугубило бы экономическую ситуацию, но и подорвало политическую силу партии, заставило людей и членов партии усомниться в правильности проводимого курса. В 1979 г. дефицит бюджета составил 17 млрд юаней, что явилось неприятным сюрпризом для правительства, в следующем 1980 году дефицит снизился до 12,8 млрд юаней, но все равно, этот показатель не радовал партию [9].

Почему реформы производства не вышли настолько эффективными, насколько предполагала партия? Этому есть ряд причин.

Несмотря на то, что в рамках реформы предприятия получили больше прав на самостоятельное принятие некоторых решений и удерживать часть прибыли, для установления объема свобод и прибыли для удержания им все равно нужно было обращаться к надзирающим органам. При этом, данные органы вовсе не были беспристрастными в своих решениях. Для них большую роль играла политическая власть, которая могла как возрасти, так и упасть в зависимости от того, как они распорядятся своими полномочиями. При этом вопрос экономической целесообразности тех или иных решений редко был главным. Это приводило к тому, что многие эффективные предприятия были вынуждены отдавать большую часть своих доходов государству, в то время как неэффективные предприятия получали субсидии. Это лишало как первых, так и вторых стимула к развитию. Как нет смысла развиваться если доход все равно отберут, так его нет, если предприятию все равно не дадут разориться [9].

Другой причиной того, что реформы плохо сработали стало то, что государство, в лице различных органов, продолжало вмешиваться в работу предприятий. Несмотря на объявленную «свободу» предприятий, на самом деле государство продолжало пристально следить за их деятельностью, и, по возможности, управлять ей [9].

Наследие Мао Цзэдуна давало о себе знать. Созданная им структура децентрализованного управления сильно запутывала работу предприятий. Для того, чтобы понять, в чем заключается проблема, нужно подробнее остановиться на том, как работала система децентрализации, созданная Мао Цзэдуном.

В китайской экономике до реформ 1980-х гг. существовало два вида управления государственными предприятиями, которые работали одновременно: горизонтальная и вертикальная. Вертикальная цепочка проводилась от центрального аппарата, например, министерства, до местных департаментов той или иной отрасли, то есть, департаментов уезда, муниципалитета или провинции. Горизонтальная цепочка управления шла от Госсовета до местных (провинциальных, муниципальных, уездных) органов власти [9].

Таким образом, по вертикали, одно предприятие было под юрисдикцией министерства отрасли, в которой оно работает, если это предприятие было под контролем центрального правительства, и являлось таким образом предприятием центрального подчинения; предприятие находилось под юрисдикцией местного (провинциального, уездного, муниципального) аппарата управления и считалось местным (провинциальным, уездным, муниципальным) предприятием. По горизонтали, одновременно с этим, государственные предприятия были под надзором центрального или местного (провинциального, уездного, муниципального) правительства, в зависимости от того, было ли это предприятие центральным или местным [9].

Такая, достаточно запутанная, система управления была дополнительно усложнена другими моментами. Первым является то, что в системе, созданной Мао Цзэдуном, местные департаменты отраслей были подотчетны не только местным органам власти, но и вышестоящим отраслевым департаментам, и, к тому же, центральному министерству, которое подчинялось Госсовету. Это создавало сложности в функционировании системы, поскольку у разных органов управления были свои требования, которые нужно было соблюсти [9].

Второй негативный фактор, это то, что разные органы государственной власти отвечали за разные функции на предприятиях, такие как кадровая политика (вопросы повышения или понижения в должностях, прием новых сотрудников на работу), зарплаты, финансы, производство, инвестиции. Общепризнанная практика была следующей: горизонтальные органы власти отвечают за кадры и зарплату, а вертикальные – за производство и инвестиции [9].

Третий негативный фактор – административная иерархия предприятий и их руководителей, схожая с иерархией партийных функционеров и государственных чиновников. Это означало, что зарплаты на предприятиях и привилегии, доступные ему, менялись в зависимости от позиции предприятия в иерархии. Если государственное предприятие подчинялось властям более высокого уровня, оно, соответственно, находилось на более высоком уровне данной иерархии, и имело до-

ступ к государственным ресурсам, например, ресурсам и сырью. С другой стороны, такие привилегированные предприятия несли больше ответственности за выполнение государственного плана. Ступенька, на которой находилось предприятие, могла варьироваться в зависимости от того, какой период политики в стране проходит, какая сейчас фаза централизации или децентрализации [9].

В итоге, предприятия были задушены множеством предписаний, норм, требований, необходимостью отчитываться перед множеством разных, и не всегда связанных друг с другом, органов, необходимостью следовать тем или иным указаниям в зависимости от их положения в иерархии предприятий, невозможностью проводить самостоятельные действия [9].

Предприятия, кроме ограничений со стороны государства, испытывали и другие проблемы. Такой проблемой, например, было то, что разные предприятия закупали одно и то же сырье и полуфабрикаты по разным ценам. Одновременно с этим, зарплаты рабочих по всей страны были одинаковыми. Таким образом, зарплата не могла являться реальным отражением уровня производительности труда. В то время, как, при нормально функционирующей рыночной экономике, цена на ресурсы была бы одинаковой для всех предприятий, а вот зарплата рабочих разнилась в зависимости от тех или иных факторов [9].

Почему это важно? В условиях рыночной экономики та или иная фирма не может повлиять на цены на ресурсы на рынке. Цена одинаковая для всех. И, хотя, фирма имеет возможность искать возможность приобрести тот или иной ресурс по более низкой цене, это не всегда самый эффективный выход. Рынок факторов производства также не стоит на месте при рыночной экономике, и цены на них также постоянно меняются. В таких обстоятельствах у фирмы есть два пути: она может либо создать какой-либо новый продукт, которого нет у конкурентов и предложить потребителям его, либо фирма может производить уже существующий продукт, но привнести инновации в процесс производства, которые позволят сделать его менее затратным, и, следовательно, более выгодным для потребителя.

Конкуренция, тем самым, заставляет бизнес искать выходы и развиваться, чтобы выжить [9].

Зарплаты сотрудников того или иного предприятия, при рыночной экономике, зависят от их продуктивности. Если работник работает неэффективно, то его зарплата падает, или же, он вовсе лишается работы. Тем самым, зарплата является инструментом руководителя предприятия для стимулирования сотрудников. Желание сохранить, а то и приумножить свою зарплату, заставляет рабочих поддерживать производительность своего труда на высоком уровне [9].

Однако, дореформенные предприятия Китая не имели понятия о механизме ценообразования, им не приходилось выживать в условиях рынка. Цены устанавливались государством, а не рынком. У государственных предприятий отсутствовал стимул для развития производства, или, тем более, создания новых товаров. А даже если какое-либо предприятие и хотело что-то улучшить в своей работе, оно, неизбежно, сталкивалось с упомянутой выше системой государственных ограничений. Не могло предприятие и повлиять на своих сотрудников, ведь в социалистическом государстве, направленном на всеобщую занятость и равенство доходов, зарплата должна быть одинаковая, и увольнение работников не допускалось. Это лишало предприятия возможности повлиять на рабочих, попытаться простимулировать их трудовую деятельность [9].

Поэтому, хотя реформы, начатые в 1980-х, и дали предприятиям возможность самостоятельно принимать некоторые решения и удерживать, в своих интересах, часть прибыли, большая часть их усилий приходилась на попытку изменения внешних условий, таких, как еще существующие государственные ограничения, а не на наращивание ресурсов самого предприятия. У госпредприятий появилась возможность договариваться с управляющими органами о различных частях производственного процесса, например, об объеме закупок сырья, о количестве производимой продукции, о размере государственных кредитов и их процентах, о проценте прибыли, которое предприятие оставляет себе. Предприятиям не нужно было напрягать силы и вкладываться в улучшение производственного процесса,

для того, чтобы выжить на «рынке», ведь они могли повлиять на сам «рынок». Государственные предприятия не смогли прочувствовать и понять механизм рыночной экономики и его основного правила: на рынке остаются только те предприятия, продукция которых пользуется спросом у потребителя. Поэтому реформа предприятий, на которую партия возлагала такие надежды, провалилась.

Но государство не смогло предвидеть, что на самом деле, главные события в ближайшее время, будут происходить не на больших государственных предприятиях, а в удаленных, забытых партией, крестьянских районах страны.

Важнейшим направлением экономических реформ стало сельское хозяйство. Некоторые ученые, такие как Виля Гдаливич Гельбрас заявляют, что подворный подряд, созданный в этот период, явился важнейшим фактором экономического подъема [2].

Но такой важный для улучшения экономики села элемент, как подворный подряд был принят не сразу. На третьем пленуме ЦК КПК было сделано следующее заявление: «Прежде всего, привести в движение социалистическую активность наших многомиллионных крестьянских масс, в экономическом отношении полностью учитывать их материальные интересы, в политическом – надёжно гарантировать их демократические права». Пленум принял ряд решений, призванных, по его мнению, изменить ситуацию. Такими стали: охрана государственными законами прав собственности «народных коммун», «больших производственных бригад», и «производственных бригад» и их прав на «самохозяйствование», признание необходимости запрета безвозмездного использования или присвоения рабочей силы, денежных средств, продукции и материалов производственных бригад [2].

Стоит обратить внимание на эти решения. Ведь из них можно сделать вывод о том, что «народные коммуны», «большие производственные бригады» и «производственные бригады» только на бумаге были объявлены правительством социалистическими предприятиями. На практике, аграрная политика страны строилась на том, что эти элементы хозяйственной жизни де-факто являлись бесправными, и

государство использовало их по своему усмотрению. Так же и «самохозяйствование» на практике обозначало вещь прямо противоположную – государство отрицало самостоятельность хозяйственной деятельности коллективных хозяйств. Пленум, таким образом, не смог выдвинуть предложений для создания настоящих коллективных хозяйств, но лишь предал осуждению попытки безвозмездного вмешательства в деятельность «народных коммун» и «больших и производственных бригад». Последствия лишения крестьян прав на землю, которое произошло в ходе коллективизации, также не были рассмотрены на пленуме [2].

В качестве действия по решению проблемы, на пленуме было предложено платная эксплуатация факторов производства «народных коммун» и их производственных звеньев. И, несмотря на скромность этой идеи, впоследствии она сыграла важную роль [2].

Далее, во время пленума прозвучало следующее заявление: «Хозяйственные организации всех ступеней в коммунах обязаны со всей серьёзностью проводить принцип социализма – принцип распределения по труду, проводить оплату труда по его количеству и качеству, преодолевать уравниловку. Участки земли, находящиеся в личном пользовании членов коммун, домашнее подсобное хозяйство и рыночная торговля являются необходимым дополнением к социалистическому хозяйству и никому нельзя вмешиваться в них по своему произволу. Народные коммуны должны и впредь твёрдо практиковать, и сохранять неизменной трехступенчатую систему собственности, основой которой является собственность производственной бригады. Во всех звеньях народных коммун необходимо твёрдо осуществлять демократическое управление, принцип выборности руководителей и открытый бухгалтерский учёт». За этими словами скрывалось возрождение методов нормализации ситуации в сельском хозяйстве, которые уже были применены ранее, в 1960-х гг., во времена «урегулирования», для преодоления разрухи, вызванной «большим скачком». Несмотря на упоминаемый в этом отрывке «принцип выборности руководителей», до практической реализации этого положения было очень далеко. Положение о «рыночной торговле» означало возвраще-

ние разрешений крестьянам на продажу излишка продукции, полученной на приусадебных участках [2].

Для поддержки сельского хозяйства, закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию были повышены на 25–30 %, точнее, на 20 % были повышены закупочные цены на зерно по плановым закупкам, и на 50 % – по сверхплановым закупкам. Также были увеличены закупочные цены на хлопок, масличные и сахароносные культуры, продукцию животноводства, водных, лесных, подсобных промыслов [2]. Однако, всех этих мер оказалось недостаточно.

Немаловажным фактором проведения реформ является восприятие их населением. К примеру, принятые на 3-м пленуме ЦК КПК 1979 г. установки вызвали противоречия среди низших кадровых работников и крестьян. Они не спешили следовать новому экономическому курсу, поскольку опасались скорого его изменения. В иных случаях местные чиновники также не выполняли решения партии, поскольку «сомневались в правильности избранного курса». Одна из самых известных производственных бригад Дачжай, которая с 1964 г. ставилась в пример всем остальным, довольно критично относилась к новому курсу в экономике, что в итоге привело к ее расформированию [7].

Другой реакцией крестьян на действия правительства было недовольство недостаточностью действий. Это привело к стихийному подъему крестьянского движения, которое призывало заменить уравнительное распределение остатков сельскохозяйственной продукции, которые оставались после выполнения государственных заданий на уравнительное распределение земли. Крестьянство настолько желало этих перемен, что не стало дожидаться, когда партия решит «спустить сверху» подобную директиву, но взяло инициативу в свои руки и решило само делить землю «коллективных хозяйств». В зависимости от условий той или иной деревни, разделение происходило по числу едоков, числу работников или же числу и едоков, и работников. И хотя, на тот момент, партия игнорировала это движение, привело к рождению системы «производственной ответственно-

сти» или же «подворного подряда», которое, подтвердив свою успешность, было официально признано китайским правительством в 1984 г. [4].

В 1979–1980 гг. проводилась децентрализация хозяйственного управления. Функции большой производственной бригады, обычно объединявшей до 15 бригад, переходили к самим этим «малым» бригадам. В деревне в 1980 году стала распространяться идея о «производственной ответственности». Ее можно разделить на три вида. Первый вид ответственности разделяется также на два подвида: а) закрепление производственных заданий за крестьянскими дворами, б) полная ответственность крестьянского двора за производство. Закрепляя задания за дворами, производственная бригада, сохраняющая статус основной хозрасчетной единицы, закрепляет за крестьянским двором определенный участок земли, на котором этот двор производит работы, указанные в договоре, и с которого он должен произвести указанный в договоре объем продукции. Также семье крестьян начислялись трудовые единицы, соответственно объемам производства, передавались сельскохозяйственные орудия и иные средства производства. В некоторых случаях крестьяне имели право выкупить их у бригады. Продукция, которую согласно договору, крестьянин должен был сдать, передавалась бригаде и распределялась внутри нее, излишек отдавался в распоряжение двору, а при недостатке продукции налагался штраф [7].

Полная ответственность двора означала, что крестьянская сама должна была сама организовать производство, в результате которого она, в счет налогов и поставок, отдавала часть продукции государству, и делала оговоренные отчисления в фонды и бригады. Остаток, также отдавался двору. Государство предоставляло участок земли и орудия производства. В китайское печати такой тип хозяйствования выразили фразой: «Гарантируй сдачу продукции государству, оставь сполна коллективу, все остальное принадлежит тебе» [7].

Второй формой производственной ответственности являлось закрепление производственных владений за отдельным работником, при общем ведении хозяйства в производственной бригаде. До реформ такая форма организации производства

использовалась при возделывании технических культур, в 1979–1980 гг. ее начали применять при выращивании зерновых. Бригада осуществляла вспашку, отдельный работник – уход за посевами и уборку урожая. Вознаграждение соответственно результату, при перевыполнении плана премия, при невыполнении – штраф. Бригада распоряжалась основными средствами производства [7].

Третья форма – специализированная ответственность за производство или специализированный подряд. Этот тип практиковался в подсобных отраслях хозяйства, вознаграждения основывались на нормировании труда в основной отрасли. Задания по производству продуктов подсобной отрасли закреплялись за специализированными звеньями или группами, которые создавались в ведущих многоотраслевых хозяйствах развитых бригадах и коммунах [7].

Эти методы личной ответственности в деревне привели к тому, что в некоторых районах крестьянским дворам удалось увеличить производство на 30 %, в иных даже в 2–3 раза. Причиной такого роста явилась личная заинтересованность крестьянина в результатах своего труда, ведь чем больше заинтересованность, тем больше сил человек вкладывает в дело. С другой стороны, тяжелое продовольственное и демографическое положение, в сумме с желанием государства изымать все больше и больше средств из деревни, снижало общий рост производства в стране [7].

К осени 1981 года система производственной ответственности охватила 90 % всех производственных бригад страны [8].

Первое время, передача участков земли в постоянное пользование крестьянским дворам и группам крестьян наиболее активно происходила в самых экономически неразвитых районах, в которых проживает около трети населения Китая. Во второй половине 1981 года признали, что в некоторых сельских районах «происходит переход от коллективного хозяйствования к новой системе, где главенствующее место занимает индивидуальное хозяйствование и которой свойственна известная ограниченность» [8].

Стоит отметить, что ситуация в деревне, после введения реформ, не сразу же изменилась в лучшую сторону. Например, в следующем после объявления нового курса году, 1980, 27 % рабочих бригад по стране имели среднегодовой доход в размере 50 юаней, 47 % бригад получали от 50 до 100 юаней, и только лишь 26 % зарабатывали больше 100 юаней. Из последней категории только 26.1 % проживал в удаленных районах [7].

Улучшения стали заметные позднее, особенно после того, как государство решило все-таки признать такое явления, как «подворный подряд» и перешло к ликвидации коммун и бригад. И, хотя Дэн Сяопин еще в мае 1980 г. на выступлении по вопросам аграрной политики признавал эффективность подворного подряда, официальное признание такого вида хозяйственной деятельности пришло только ближе к середине 1980-х гг. Причиной тому стала работа над созданием нормативной базы, которая должна была изменить уже существующие устои плановой экономики. Партия могла провести кампанию по борьбе с подворным подрядом, но, во-первых, победить это явление было бы невероятно сложно, а во-вторых, эта борьба была бы бессмысленной. Ведь он способствовал быстрому восстановлению производства в сельском хозяйстве и улучшению организации планирования [2].

Вообще, стоит отметить, что экономика Китая в начале 1980-х г. являла собой плохо организованное государственное хозяйство. Партийные органы крепкой хваткой держали все сферы общественной жизни: политику, экономику, культуру, социум. Подворный подряд, как способ уменьшения государственного давления, давал партии понять, что для улучшения ситуации в стране, ей стоит несколько ослабить хватку, и дать людям долю свободы в распоряжении своей деятельностью. При этом, при подряде партия не теряла возможностей управления, а наоборот расширяла его, создавая систему не только вертикальной власти – от Госсовета КНР до деревень, но и по горизонтали, с помощью новых формаций в виде хозяйственных блоков и узлов, которые, благодаря имеющейся у них доли свободы могли эффективно использовать имеющиеся людские и трудовые ресур-

сы. И на практике, всё работало хорошо – подворный подряд не только выполнял государственный план, но и мог обеспечивать себя, реализуя появляющиеся в следствии повышения эффективности работы излишки производства. Такой позитивный опыт в деревне дал понять партии, что подобный подход может и должен быть реализован в других сферах экономики и общественной жизни [2].

Как было сказано ранее, появление подворного подряда повлекло за собой избавление от «народных коммун», «больших» и «производственных бригад». Взамен, в стране были вновь созданы волостные правительства, крестьяне объединились под началом комитетов сельчан [3].

В целом, оценивая политику «подворного подряда», китайская пресса отмечала как положительные, так и отрицательные стороны. К последним, в частности, относится к замыканию производств в рамках небольших хозяйств, что отрывало людей от таких плюсов коллективного труда, как кооперация и разделения труда. Труднее стало совершать коллективное строительство, выполнение обязательств перед государством, сбор денег в фонды общественных накоплений. Изменялась идеология крестьян: усиливались частнособственнические настроения. Проведение политики планируемой рождаемости также осложнилось. Китайская пресса указывала на то, что после начала закрепления производственной ответственности за дворами стало труднее справляться со стихийными бедствиями и использовать аграрную технику [8]. В среде крестьян начали развиваться отдельные группы, которые являлись отражением социальных интересов различных частей крестьянства: кто-то занялся частной торговлей, кто-то – ремеслом, кто-то ушел в сферу услуг. Достоинно внимания то, что правительство, понимая необходимость крестьян в поиске новых рынков сбыта продукции и новых возможностей трудоустройства в 1983 году начало разрешать крестьянам заниматься транспортировкой своей продукции на большие расстояния и торговлю ими в других городах. Впервые за долгое время крестьяне получили возможность выезда из своей деревни. А в 1984 г. партия также разрешила им заниматься бизнесом в близлежащих городах в рамках городских и деревенских предприятий [16]. Были и крестья-

яне, которые в штыки восприняли рыночные преобразования и не хотели отрываться от натурального хозяйства. И все эти группы требовали более четкой законодательной базы [2].

Таким образом, «подворный подряд» стал важнейшей социально-экономической реформой 1980-х гг. Большой успех этой реформы не только смог возродить надежду всего Китая на светлое будущее страны, но и продемонстрировать новые пути развития, а руководство партии, воспользовавшись настроениями крестьянства, жаждущего перемен и обуздав волну преобразований, вновь доказало гражданам свою дальновидность и мудрость [2].

В целом, характеризовать экономику Китайской Народной Республики в период 1979–1985 годов можно так: значительные реформы в сельском хозяйстве, которые повышали самостоятельность крестьянских хозяйств, заставляли людей активизировать собственные усилия, не ждать подачек от государства, ведь отныне доход зависел от успехов; переключение внимания с тяжелой промышленности на легкую, на обеспечение людей товарами широкого потребления; попытка увеличить добычу энергетических ресурсов(нефти, газа) для экспорта, который приносит большую часть дохода, и, вместе с тем, попытка оптимизировать потребление энергии внутри страны; модернизация оборудования легкой промышленности. Повысился уровень жизни населения, так, среднегодовая зарплата рабочих и служащих в 1985 г. составила 1142 юаня, что на 17,2 % больше 1984 г. Реальная заработная плата за шестую пятилетку выросла на $\frac{1}{3}$ [10]. Вместе с введением элементов рыночной экономики, КПК постоянно напоминало, что единственной идеологией в стране, несомненно, остается социализм.

Столь быстрые и коренные изменения в экономической жизни общества не могли не повлечь за собой перемены и в социальной сфере.

Главные изменения были связаны с началом системы «подворного подряда». Она стала катализатором коренных социальных преобразований не только в деревне, но и во всех слоях общества по стране. Стоит отметить то, что сама эта си-

стема не была спущена сверху, а явилась результатом давления снизу – крестьяне, недовольные недостаточными действиями партии решили взять в свои руки инициативу по решению проблем в селе. И, по их мнению, для решения проблем нужно было дать крестьянам больше свободы по распоряжению излишками производства и дать возможность крестьянам самим делить землю. И такие действия оказались правильными – экономические преобразования в деревне принесли улучшение ситуации. К тому же, во время становления системы «подворного подряда» были уничтожены введенные государством системы «народных коммун» «больших» и «производственных бригад». Крестьяне, естественным образом, избавились от искусственных новообразований, которые были им чужды, тем самым, в некотором плане, забрав у государства полномочия по социальной организации общества.

Феномен подворного подряда также явился катализатором других социальных изменений, например – реабилитации людей, которых в прошлом причисляли к «кулакам», «помещикам» и «контрреволюционерам» и прочим «нежелательным» элементам. Официальное заявление о завершении работы по «снятию ярлыков» было издано в ноябре 1984 г. Последняя группа реабилитированных «кулаков» и «помещиков» состояла из около 80 тысяч человек, среди которых было более 20 тысяч «помещиков», 20 тысяч «вредных элементов», 16 тысяч «контрреволюционеров» и 13 тысяч «кулаков». За все время проведения эта программа реабилитировала более 4,4 млн человек, к «капиталистам» перестали причислять около 710 тысяч мелких торговцев и ремесленников [2].

Система подворного подряда выявила на селе огромное количество крестьян, не имеющих источников дохода. Причиной этому был острый дефицит пахотных земель. Однако, вскоре, крестьянство стало само создавать рабочие места в не-сельскохозяйственной сфере. Появились так называемые «предприятия волостей и посёлков». За 1978–1985 гг. количество людей, занятых на данных предприятиях возросло с 28 млн человек. до 70 млн человек. Частным ремеслом и торговлей в 1980 г. занимались 605 тысяч человек, в конце 1982 г. – 1,8 млн человек., в кон-

це 1983 г. – около 5,8 млн человек [2]. Все это говорит о появлении нового слоя крестьянского населения, занятого не сельским хозяйством, а частным предпринимательством.

Обратной стороной явления «подворного подряда» явился рост коррупции, связанный с землей. К примеру, в ходе расследований, проведенных Постоянным Комитетом Собрания Народных Представителей (ПК СНП) провинции Чжэцзян в трех районах и семи уездах в марте 1981 года были найдены «беспорядок и порочный стиль в работе в области землепользования». С начала 1979 года по март 1981 года в уездах указанной провинции было незаконно присвоено, сдано в аренду или продано 8698 му (около 522 га) земли [8]. С течением времени преступления подобного рода приобрели все больший и больший размах, несмотря даже на то, что и Госсовет КНР и ЦК КПК осудили эти преступления и потребовали усиления контроля за управлением землеустройством. Такая ситуация сохранялась вплоть до 2000-х гг. и была вызвана, в основном не существовавшим четким правом собственности на землю у комитетов сельских жителей, которые, также, не имели власти и авторитета на отстаивания своих прав и самозащиту. Шаткая ситуация в сфере земельных правовых отношений открыла возможности для коррупционного обогащения чиновников [2].

Масштабы коррупции в 1980-е гг. среди членов партии, которые, воспользовавшись новой ситуацией, решили заняться часто незаконной предпринимательской деятельностью, заставили КПК проводить кампанию по «искоренению фракционности в руководящих звеньях». Так, в провинции Хэйлунцзян около 15 % членов провинциального комитета и 20 % членов низовых партийных организаций, по некоторым данным, стояли под угрозой исключения из партии. «Жэньминь жибао» заявляла, что существовавшая тогда фракционность являлась «одним из последствий фракционной борьбы, развернутой Линь Бяо и «четверкой» в период «культурной революции». В прессе также отмечалось, что в партии «не существует открытых фракционных группировок, значительно сократилась фракционная деятельность за спиной партии, рамки фракционности постоянно

сужаются». Одновременно с этим, «в части наших руководящих звеньев сохраняется обстановка расслабленности и расшатанности, части низовых партийных организаций не хватает боевитости, и между некоторым группами коммунистов нет сплоченности, в некоторых местах невозможно успешно претворять в жизнь курс и политику партии, решения вышестоящих органов, что является одним из важных последствий влияния фракционности». В газетах писали о том, что часто кадры назначали не благодаря качествам и заслугам, а благодаря дружбе и родству.

Хотелось бы поподробнее остановиться на таком явлении как «предприятия волостей и поселков». В первую очередь, нельзя сказать, что это явление уникально только для времени Дэн Сяопина – наоборот, они, в некотором плане является наследием Мао Цзэдуна, когда тот пытался провести индустриализацию села. Тогда они назывались «бригадные и коммунные предприятия». Только резолюция Госсовета №4 от 1984 г. дала им более известное сегодня названия «предприятия волостей и поселков». И это несмотря на то, что фактически данные предприятия начали проводить отличную от времен Мао Цзэдуна деятельность еще с 1978 г.! Столь позднее изменение названия было лишним доказательством того, что этот вид социально-экономической организации населения не поддерживался государством. Но сам факт существования такой формы деятельности также говорит о том, что в самом обществе того периода появилось ощущение некоторой степени свободы. Ситуация, схожая с «подворным подрядом» – люди решили воспользоваться появившимся возможностями для самоорганизации. И довольно удачно – за период с 1978 г. по 1996 г. доля этих предприятий в ВВП страны возросла с 6 % до 26 % [9].

Хотя эти предприятия управлялись чиновниками, они при этом, не являлись государственными предприятиями в полном смысле. Государство мало помогало таким предприятиям, относилось к ним настороженно, главы этих предприятий были вынуждены брать на себя все риски по их управлению и развитию. Опросы в 1994 г. показали, что около 83 % всех предприятий волостей и посёлков явля-

лись на тот момент государственными по названию, и частными по факту [9]. Несмотря на то, что данные этого опроса происходят из времени, не находящемся в рассматриваемом мною периоде, нет оснований полагать, что до 1994 г. ситуация была иной.

Волостные и поселковые предприятия создали новые рабочие места для крестьянского населения, тем самым создав новую экономическую ситуацию на селе. В предыдущие года, у людей, проживающих в деревнях был только один вариант труда – занятие сельским хозяйством. Однако, с изменением экономической политики государства и появлением волостных и поселковых предприятий у крестьян появился выбор – и достаточно большое количество выбрало работу на предприятии. Об этом говорят цифры, которые я приводил выше.

Почему именно подворный подряд привел к реабилитации этой категории людей? Потому что он, своим существованием, легализовал деятельность, за которую ранее эти «кулаки», «помещики» и прочие были репрессированы. Так как новое правительство приветствовало эту экономическую деятельность, ему более не было смысла преследовать людей за эту деятельность.

Как отмечалось в первой главе, в период с конца 1970-х – начала 1980-х гг. молодое население, которое до этого было, против их воли, направленно партией на работу в деревни, предприняло попытки вернуться в город. Так, в 1979 г. в Пекин вернулось более 400 тысяч человек, что тогда составляло 8,6 % от общей численности населения столицы. В Тяньцзинь вернулось меньше людей в численном соотношении – 380 тысяч человек, однако в процентном соотношении это было целых 11,7 % от числа населения! Такой наплыв нового, не имеющего работы населения негативно отразилось на статистике занятости. Ни госсектор экономики, ни коллективные предприятия не имели возможности взять такое количество людей на работу, но партия не желала признавать промах своей политики. Она предложила называть такую группу населения «молодежь, ожидающая трудоустройства». Но словесная эквилибристика не смогла сдержать нарастающее недовольство населения реальным положением дел. Крупные города охватили

протесты. К примеру, в 1979 г. в 21 провинции безработная молодежь устраивала разного рода беспорядки – блокада железнодорожных путей, окружение правительственных зданий и т.д [9].

Советник Госсовета КНР по экономике и известный экономист Сюэ Муцяо написал статью в «Жэньминь Жибао», которая была опубликована 20 июля 1979 г. с призывом к правительству о разрешении индивидуальной трудовой деятельности. Она помогла решить проблему безработицы в 1940-х – 1950-х гг., первых, после образования Китайской Народной Республики. И правительство прислушалось к нему – 29 сентября 1979 г. на собрании в честь 30-летия КНР Е Цзяньин выступил с предложением признать «индивидуальное хозяйство». Именно так партия решила назвать то, что по своей сути являлось частным предпринимательством. И уже через 3 месяца, 30 ноября 1979 г. в Вэньчжоу возникло первое официально зарегистрированное «индивидуальное хозяйство». Через два года, 17 октября 1981 г. ЦК КПК и Госсовет издали «несколько постановлений о политике открытых дверей, оживления экономики и о решении проблемы безработицы в городах». В данном постановлении «индивидуальные хозяйства» преподносились в качестве «необходимого дополнения» к социалистической экономической системе [9]

Однако, до того, как в 1992 г. рынок был официально объявлен неотъемлемой частью китайской экономики, сфера частного предпринимательства, все же, была крайне рискованной и небезопасной. Неофициальную дискриминацию испытывали как «индивидуальные хозяйства», так и «предприятия волостей и посёлков», о которых я уже рассказывал. Это нашло свое выражение даже в межличностных отношениях – родители отказывались выдавать своих дочерей замуж за мужчин, которые работали в частном секторе, считая, что их работа не только не могла обеспечить финансовую стабильность для семьи, но и попросту являлась постыдной и общественно неприемлемой [9].

Еще одним социально-экономическим процессом, который начался в этот период является процесс изменения баланса уровня жизни в различных регионах

Китая. Упомянутый выше город Вэньчжоу, в котором было зарегистрировано первое «индивидуальное хозяйство», и который в настоящее время является одним из самых развитых городов одной из самых богатых провинций в рассматриваемый мной период был полной противоположностью себе сегодняшнему – крайне бедный город бедной провинции.

В то время, в отличие от настоящего, северо-восток Китая считался наиболее развитым регионом. Именно там располагались крупные предприятия тяжелой промышленности. Причиной, по которой правительство не хотело размещать заводы на юге страны, в особенности в прибрежных районах, являлось опасение возможной атаки со стороны Тайваня – в таком случае логично держать стратегически важные заводы как можно дальше от потенциального врага.

Бедный, крестьянский юг Китая стал площадкой для, как мы уже знаем сегодня, удачных экономических экспериментов. Терять правительству было нечего, а возможность улучшить социально-экономическое состояние региона страны упускать было бы непродуктивно. Тем более, что в этом районе, в отличие от остальных, государственные предприятия были представлены слабо. Поэтому, когда в первой половине 1980-х гг., на первом этапе появления частных предприятий они испытывали дискриминацию в других частях страны, на юге бизнес чувствовал себя спокойно. Поспособствовала развитию частного предпринимательства и история юга Китая – в том же Вэньчжоу, до образования Китайской Народной Республики, активно развивалась торговля и обрабатывающая промышленность [9].

Негативным социальным проявлением бедности, которая терзала южные провинции до изменения экономической политики, являлась нелегальная миграция. Особенно «преуспела» в этом провинция Гуандун, в особенности – известный сегодня во всем мире город Шэньчжэнь. Как и Вэньчжоу, раньше это был крайне бедный город. От гораздо более богатого и развитого Гонконга его отделяет река. Такое удачное географическое положение привело к тому, что многие китайцы,

не желавшие более жить в КНР бежали из Шэньчжэня в Гонконг, и либо оставались там, либо отправлялись дальше по Юго-Восточной Азии.

Ситуация с миграцией встала особенно остро в конце 1970-х гг., когда в Китае распространились слухи о том, что Гонконг проводит иммиграционную амнистию. Обрадованные такими новостями, тысячи китайцев решили предпринять попытку сбежать в Гонконг – вплавь, по реке. Естественно, что многие не смогли добраться до места назначения – многие утонули. Из некоторых прибрежных деревень, на попытку добраться до Гонконга, ушло до половины дееспособного населения. Из-за сложной ситуации с беглецами из страны в регионе было объявлено чрезвычайное положение [9].

Местная власть плохо понимала, как им справиться с этой проблемой. В ноябре 1977 г. Дэн Сяопин посетил Гуандун, и во время этого визита власти провинции попросили его прислать больше военных, для урегулирования этой сложной обстановки. Но Дэн Сяопин отказался присылать армию, ответив, по некоторым источникам, что дело в просчетах политики страны, и армия проблему не решит [9].

Тогда, секретарь парткома провинции Гуандун, У Наньшэнь, решил провести собственное расследование. Результатом стала история двух деревень с одним названием – Ло Фан. Часть жителей деревни Ло Фан, расположенной недалеко от Шэньчжэня бежали на территорию Гонконга, и там основали деревню с таким же названием, напротив своей деревни. У Наньшэнь выяснил, что жители Гонконгского Ло Фаня получали в 100 раз больше, чем их односельчане, оставшиеся в Китае. Именно эта история смогла правительству Гуандона понять, что имел в виду Дэн Сяопин, когда говорил про политику – армия не сможет остановить миграцию, но ее остановит улучшения экономики региона.

Позже У Наньшэнь начал развивать идею превращения своего родного города Шаньтоу в свободную экспортную зону. Дело в том, что до создания Китайской Народной республики, в 1930-х гг. Шаньтоу в народе носил название «маленького Шанхая» – ему прочили большое экономическое будущее, и уже тогда его эконо-

мика была сопоставима с экономикой Гонконга. Однако, после основания КНР и прекращения внешней торговли юг пришел в упадок, и чуда не случилось – в то время, как Гонконг процветал. Посоветовавшись с предпринимателем из Сингапура У Наньшэнь пришел к выводу, что статус особой экспортной зоны смог бы помочь Шаньтоу встать на ноги. В конце концов именно благодаря экспорту получилось улучшить положение на Тайване и в Сингапуре.

Одновременно с этим схожие идеи пытался реализовать в городе Шэкоу новый директор государственной компании China Merchants Юань Гэн. После вступления на должность, он решил изменить компанию и сделать из нее конкурентоспособную и прибыльную корпорацию, занимающуюся производством товаров, торговлей и грузоперевозками. Местом дислокации корпорации был выбран Шэкоу из-за своего выгодного расположения и дешевизны земли. Он подал свой проект создания технопарка в Шэкоу в январе 1979 г. и уже в конце месяца получил одобрение партии.

В свою очередь У Наньшэнь также обсуждал планы о создании особой экспортной зоны с чиновниками провинции. Планы Юань Гэна были им известны, и в результате правительство провинции решило предложить гораздо более амбициозный проект – сделать всю провинцию площадкой для экономического эксперимента, опробовать все, что принесло Гонконгу и Тайваню их успех и богатство. Они были уверены, что именно Гуандун, который граничит с Гонконгом, Макао и Тайванем, станет локомотивом на пути экономических реформ [9].

Си Чжусюнь, представитель провинции Гуандун, рассказал в ходе рабочего совещания с губернаторами других провинций и представители экономического блока в Пекине в апреле 1979 г. Он подчеркнул, что близость Гуандуна к Тайваню, Гонконгу и Макао поможет ему взаимодействовать с мигрировавшими китайцами, что приведет к улучшению внешних торгово-экономических отношений, и позволит наладить технологический обмен Китая с внешним миром. Были те, кто воспротивился проекту, но самая главная цель была достигнута – Хуа Гофэн одобрил проект [9].

15 июля 1979 ЦК КПК и Госсовет КНР издали совместную резолюцию, одобряв создание в этих провинциях «особых экономических зон» (ОЭЗ). Их цель была не только в том, чтобы стать промышленными площадками для корпораций, но и предоставлять иные услуги – образовательные, юридические, коммерческие и т.д. Поэтому, каждая зона должна была быть оборудована не только промышленными объектами, но и жильем, научно-исследовательскими площадками, инфраструктурой.

Всё это явилось началом коренных преобразований не только в экономике региона, но и в социальной обстановке – создание новых рабочих мест, появление у жителей южных провинций надежды на улучшение экономической ситуации и, соответственно, повышение уровня жизни. В скором времени, им не придется рисковать жизнью и бежать в Гонконг, или Макао, или Тайвань – схожие условия жизни можно будет получить и на родине.

И, как уже говорилось выше, создание особых экономических зон на юге страны стало первой ласточкой новых социально-экономических процессов во всем государстве. Именно в 1980-е гг. закладывалась современное разделение, когда южные провинции считаются наиболее зажиточными и притягательными для китайцев. Если раньше северо-восток Китая был наиболее развитым, благодаря упору государственной политики на тяжелую, контролируруемую партией промышленность, то начиная с конца XX в., с реформами Дэн Сяопина, фокус сместился на индивидуальное, частное предпринимательство, которое выгоднее всего было реализовывать на юге.

Подытоживая социальные процессы 1979–1985 гг., можно сказать следующее: первый этап экономических преобразований стал катализатором изменений в социальной структуре страны – появилось множество людей, выходцев из деревень, которые отныне могли заниматься частным предпринимательством в форме реализации излишков продукции, а не только сельским хозяйством, множество молодых людей, которых прежде правительство насильно выслало в деревню, вер-

нулось в города из провинции и для создания для них рабочих мест государству пришлось разрешить «индивидуальные хозяйства», экономически отсталые южные провинции, страдавшие от оттока населения в близлежащие Гонконг, Макао и Тайвань получили новую надежду в виде создания особых экономических зон в Шэньчжэне, Чжухае, Шаньтоу и Сямэне, которые дали людям надежду на развитие, рабочие места и повышение качества жизни.

Таким образом, период 1979–1985 гг. – это начальный период реформ. Китайское правительство делало самые первые шаги в еще неизвестном им направлении. И здесь стоит отметить политическую мудрость Дэн Сяопина, который вместо того, чтобы пускаться в бесконечную пучину теоретических обсуждений, установил практику главным критерием истины. Во-первых, это смогло предотвратить ситуацию времен «культурной революции» Мао Цзэдуна, когда правительство, вместо того, чтобы сплоченно работать на благо государства было занято внутренними рознями и противоречиями. Во-вторых, практический подход к политике дал гражданам КНР возможность проявить свою самостоятельность и показать партии, как лучше сделать, чтобы улучшить свое состояние. И наконец, в-третьих, практический подход, с точки зрения культуры, очень близок китайскому национальному сознанию, ведь для них гораздо привычнее решать проблемы «на месте», не вдаваясь в оторванные от реальности рассуждения и идеи.

Открытая к экспериментам политика принесла свои первые плоды довольно скоро показатели ВВП стали превышать показатели предыдущих лет, сельское хозяйство начало выходить из затяжного кризиса. Улучшение ситуации в сельском хозяйстве было связано, в первую очередь, с введением системы «подворного подряда». Дав крестьянам возможность реализовывать излишек плана для извлечения собственной выгоды смогло стимулировать увеличение продукции. У людей появилась причина, для того чтобы попытаться перевыполнить план. Это также помогло решить проблему того, что не все жители деревень физически имели возможность заниматься сельским хозяйством – у некоторых не было земли, или же она была непригодна. Система «подворного подряда» позволяла лю-

ням самим делить землю внутри деревни, самим распоряжаться, как они будут выполнять план, и как они будут реализовать излишек. Торговля продукцией, ко всему прочему, дала крестьянам возможность выехать за пределы своей деревне, и несколько оценить обстановку в других местах, хотя бы и самых близлежащих.

Другой важной экономической реформой стало разрешение «индивидуальных хозяйств», которые позволили решить проблему трудоустройства молодых, вернувшихся из деревни, людей. Впервые за долгие годы у людей, хоть и с большими оговорками, появилась возможность заниматься частным предпринимательством. Начал зарождаться новый социальный слой частных предпринимателей. Их положение было незавидным на данном этапе истории Китая, они не могли позволить себе роскошь уверенности в будущем, они подвергались неофициальным гонениям и дискриминации как со стороны местных партийных работников, так и со стороны социума, который видел в них враждебных, капиталистических элементов. Но как мы знаем сегодня, на самом деле у них будет хорошее будущее. Именно благодаря тем людям, которые не побоялись и начали прокладывать дорогу для частного бизнеса в Китае еще тогда, Китай сегодня обладает крупными предприятиями, продвигающими экономику своей страны.

Улучшение ситуации в сельском хозяйстве, начало развитие частного предпринимательства, и переориентация правительства на нужды населения смогло повысить уровень жизни всех жителей страны. Сместив акцент на легкую промышленность, государство смогло наполнить рынок бытовыми товарами, которые так долго отсутствовали в общем доступе. Люди смогли без особых проблем приобретать одежду, посуду, бытовую технику, продукты питания. Выросла средняя зарплата, так что у людей появилось больше денег для потребления появившихся новых товаров.

Был сделан первый шаг для развития юга страны, и превращения его в тот мощный локомотив экономики КНР, каким мы знаем его сегодня – были созданы «свободные экономические зоны», началось строительство технопарков, например, в Шэкоу. Это тоже является своеобразным отражением изменения экономи-

ческой политики КНР. В предыдущие года упор был на тяжелое производство – центром экономики был северо-восток, теперь правительство решило сконцентрироваться на легкой промышленности, торговле и экспорте – внимание переключилось на подходящий для этого прибрежный юг. Не решишь в те года партия на такой шаг, как знать, была бы экономика Китая такой развитой, какой она является сегодня.

Однако, естественно, что данные социально-политические процессы не могли проходить и без негативных последствий.

Именно в период 1979–1985 гг. посеялись зерна недовольства, которое потом вылилось в протесты на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Во-первых, было достаточное количество жителей Китая, которые просто отказывались принимать новую политику партии. Они считали, что партия отступает от пути Мао Цзэдуна, кощунственно искажает коммунистическое учение. Их было меньшинство, но такие люди были.

И в поддержку им было то, что изменившаяся политика, несколько «развязала руки» людям, желавшим зарабатывать как можно больше и, поэтому готовым на разные махинации. Неразбериха с тем, кому принадлежит земля в деревнях, государству или крестьянам, отсутствие стабильного законодательства и нормативных документов, четко регулирующих новые экономические отношения создали достаточно лазеек для крупных и мелких чиновников, которые поспешили воспользоваться ими в свою пользу. Граждане лично могли наблюдать все эти процессы, на местах, и они, совершенно справедливо, чувствовали недовольство. Коррупция проявлялась также и кумовством, когда на управляющие должности попадали не самые способные, а кровно или дружески связанные люди.

Такой страна, поднимавшаяся из руин прошлого, перестраивающая себя заново, открывающаяся остальному миру, подошла к пятилетке 1985–1989 гг.

3 СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КНР В 1985–1989 ГГ.

Последний рассматриваемый в данной работе период знаменуется угасанием оптимизма по поводу проводимых реформ, появлением ряда проблем и ростом напряженности в обществе, высшей точкой которого стали события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г.

В октябре 1984 г. на Третьем пленуме ЦК КПК 12-го созыва было принято «Решение о реформе экономической системы». Принимая это «Решение», партия отказалась от определения социализма, предложенного Чэнь Юнем (плановая экономика – главный, а рыночная – вспомогательный элементы экономической системы). Вместо этого, в «Решениях» предлагалась следующие шаги по преобразованию: «В первую очередь нужно отбросить традиционное противопоставление плановой и товарной (рыночной) экономики, понять, что социалистическая плановая экономика должна работать в соответствии с законом ценообразования, используя его в свою пользу. Социалистическая плановая экономика является базисом на общественной собственности и содержащей элементы государственного управления товарной (рыночной) экономикой. Развитие товарной (рыночной) экономики является неизбежным этапом развития экономики и необходимым условием осуществления модернизации экономики Китая» [21].

Данные «Решения» были одобрены как Дэн Сяопином, так и Чэнь Юнем. Последний признал, что близкие ему методы 1950-х гг. больше не могут функционировать соответственно выросшей китайской экономике [9].

Факт признания необходимости рыночной экономики как части экономической системы КНР не представляется необычным, учитывая положительные показатели первых лет проведения реформ. Кроме того, этот опыт преобразований дал понять китайскому правительству, что, используя централизованное планирование как главный элемент управления, оно не только никогда не сможет эффективно развивать экономику государства, но и приведет страну к бедности и нищете. К тому же, рыночная экономика перестала быть только дополнением к плановой – она получила статус отдельной, независимой части экономической системы КНР. С другой стороны, партия не собиралась отказываться от другого компонента социалистической экономики – коллективной собственности. По её мнению, только коллективная собственность могла поддержать всеобщее равенство и достаток в обществе. В силу этого, негативное отношение к частной собственности сохранялось в обществе, хоть и в меньшем объеме.

Изменение трактовки социализма позволило осуществить реформу ценообразования. Какая связь между трактовкой социализма и реформой ценообразования, и почему её нельзя было осуществить раньше? Как было сказано выше, до изменений в понимании социализма, плановая экономика сохраняла роль главенствующей в экономической системе Китая. Это обстоятельство не позволяло реформе ценообразования получить политической поддержки. Однако, новая трактовка социализма дала партии больше свободы в выборе экономической политики. Поэтому, признав рыночную экономику как независимую и неотъемлемую часть экономики Китая, правительство было вынуждено провести реформу ценообразования. Ведь именно ценообразование является одним из базовых элементов рыночной экономики, который отличает ее от плановой экономики [9].

Во время дискуссий по поводу реформы ценообразования, у правительства Китая появилось два подхода к этому вопросу. Первый заключался в том, что правительство могло регулировать цены методом точных регуляций, называемым в Китае «тяо» (調). Благодаря этому методу предполагалось последовательное установление цен на приемлемом для государства и общества уровне. Второй ме-

тод является противоположным первому и носит название «фан» (放). Он предполагал освобождение цен от правительственного контроля и передача этого процесса на волю рынка. Одним из результатов Третьего пленума 1984 г. было избрание второго метода «фан» для реализации в рамках реформы ценообразования. Однако, параллельно с ним продолжал свое действие и первый метод «тяо». Это создавало уникальную ситуацию сосуществования двух систем ценообразования – фиксированной и свободной, что является инновацией китайской экономической системы [9].

Одним из первых важнейших шагов в плане проведения данной реформы стала отмена централизованных заготовок сельхозпродукции с 1 января 1985 г. Данная система действовала с 1950 г. и была введена тогда Чэнь Юнем, который преследовал цель с помощью данных государственных заготовок обеспечить страну продовольствием. Эта мера не предполагалась Чэнь Юнем как постоянная – он разработал ее как экстренный способ борьбы с голодом. В долгосрочной перспективе, централизованные заготовки сельхозпродукции могли нанести вред крестьянству. Однако судьба сложилась иначе, Мао Цзэдун посчитал данную практику настолько эффективной, что она вошла в основу его аграрной политики и просуществовала около 30 лет. Как и предполагал Чэнь Юнь, столь длительный срок ее действия породил ряд проблем. Именно практика централизованных заготовок сельхозпродукции, вкупе с позднее начатой коллективизацией, стала причиной потери крестьянством своих экономических свобод и превращения их в закабаленную социальную страту. Отменив данные заготовки, государство, взамен, ввело квоты на закупку зерна по регулируемым партией ценам. Продукция, произведенная сверх квоты, закупалась по рыночным ценам. Это и стало двухуровневой системой ценообразования, о которой говорилось выше. Примечательно то, что государство не ставило своей задачей создание такой системы, она родилась случайно. И хотя, можно сказать, что первый уровень данной системы – закупки по квотам – и являлся своего рода налогом, которое крестьянство выплачивало государству, оно, с другой стороны, получило некоторую долю экономической свобо-

ды и могло начать работу с зарождающимися рыночными механизмами. Стоит отметить, что в ходе данной реформы горожане не сразу стали платить за сельскохозяйственную продукцию рыночную цену, поскольку государство покрывало разницу между ценами субсидиями вплоть до 1992 г [9].

Таким образом, введение сначала системы «подворного подряда», а, затем отмена централизованных заготовок положили конец эпохи централизованного планирования, и стали началом нового времени экономической свободы и рыночных отношений.

Реформа ценообразования затронула не только сельское хозяйство, но и промышленность, однако в этой сфере результаты преобразований оказались другими.

Постановление 3 Пленума ЦК КПК двенадцатого созыва об экономической реформе предусматривало, что в рамках «оживления предприятий» должно проводиться отделение права собственности от права хозяйствования. Предлагалось расширить хозяйственную самостоятельность предприятий в нескольких сферах. И, хотя, правительство, с помощью плана и административных, экономических и правовых методов воздействия, сохраняло свою власть над предприятиями, идея была таковой, что государственные предприятия должны были стать независимыми производителями товаров, способных самостоятельно проводить хозяйственную деятельность и нести полную ответственность за результат работы. Так, государственным предприятиям были даны права на допущение свободного развития горизонтальных хозяйственных связей, расширения прав директоров или управляющих предприятий, расширенном использовании подряда в своей деятельности [2].

Поселково-волостные предприятия, в деятельности которых к 1985 г. было занято 70 млн человек, составили конкуренцию государственным предприятиям, выявили несовершенства таких предприятий и также создали предпосылки для преобразований [16]. Конкуренция, созданная частными фирмами, привела к тому, что к концу 1984 г. государство решило прекратить контроль над ценами на мно-

гие товары потребления. Тем не менее, социальные и политические мотивы не позволили вместе с этим прекратить контроль и цен на сырье. Отмени партия субсидии на электроэнергию и иные факторы производства, и многие государственные предприятия были бы вынуждены просто прекратить свою деятельность из-за убыточности. Поэтому в феврале 1985 г. Государственное управление цен и Государственное управление материальных ресурсов заявили, что государственные предприятия будут иметь возможность получать ресурсы из двух источников – государственной системы распределения и закупая их на рынке. Цена на товары, производимые государственными предприятиями, устанавливалась по принципу, схожему с товарами сельского хозяйства – цена на продукцию, произведенную за счет системы государственных квот, устанавливалась государством, а цена на продукцию, произведенную сверх плана, подчинялась рынку [9].

Однако, отличия между тем, как действовала система закупок товара и доведения его до граждан в случае с сельским хозяйством и государственными промышленными предприятиями, все-таки существовали. В то время, как в области сельского хозяйства государство просто закупало зерно у крестьян по договорным или рыночным ценам и продавало его гражданам по фиксированным ценам, оно не могло повторить похожий механизм в случае государственных предприятий. Вместо этого правительство решило создать сложную цепочку операций и промежуточных предприятий, которые бы реализовывали продукцию государственных предприятий. Это объяснялось специализацией различных предприятий и разделением труда. Но данный метод создал множество сложностей для ведения дел, которых не было при проведении реформ в сельском хозяйстве. Например, были распространены коррупционные схемы, наподобие следующей: материалы или заявки на их получение, которые предоставлялись различными ведомствами, можно было продать по рыночным ценам, которые были выше государственных. Люди, имевшие связи с чиновниками и правительством, тем самым, имели возможность спекулировать ресурсами и наживаться на этом. Они создавали компании, занимавшиеся коррупционными схемами, которые существовали только по

документам, но находились под защитой неких лиц в партии, что давало им возможность действовать безо всякого риска. И, хотя у этой ситуации был один плюс, который заключался в том, что она смогла поспособствовать развитию сырьевых рынков, минусов, все же, было больше. Результатом коррупции стали как непредсказуемые рыночные цены на ресурсы во всех секторах экономики, так и нарастание недовольства в обществе столь явным мошенничеством [9].

Стоит отметить, что меняющиеся принципы экономических и хозяйственных отношений на предприятиях не всегда воплощались в реальность настолько легко, насколько этого хотела партия. Иногда, они вовсе не могли быть реализованы. Ведь новые хозяйственные отношения, созданные реформами, сталкивались с уже сложившейся многолетней практикой и реальными условиями планово-рыночного хозяйствования [2].

Одно из противоречий было порождено в результате того, что новые нормы не могли сосуществовать с уже существующими и устоявшимися в массовом сознании китайцев штампами, сформировавшимися в 1950-х – 1970-х гг. Это явление данвэй (单位 – положение, уровень предприятия или организации на которой работал человек). От данвэй зависело все – жилищные условия, уровень образования и получаемой медицинской помощи, пенсии, зарплаты [2].

Данвэй стал специфическим явлением, не характерным для других стран. Если в иных государствах система взаимоотношения граждан и самого государства прямая – «человек-государство», то в Китае система включала третий элемент – «человек-данвэй-государство». Некоторые китайские специалисты предполагали, что это происходило из-за того, что правительство переложило на предприятия обязанности по преодолению безработицы. Иные утверждали, что данвэй являлся отголоском клановой системы деревни. Многие китайцы тогда сохраняли деревенскую ментальность, что заставило их повторять знакомые социальные паттерны поведения и в городах [2].

Так, когда, по окончании «культурной революции», многие молодые люди вернулись в города из деревень, начальники фирм решили устранить нарастаю-

щую безработицу знакомым и понятным им методом – принимать на работу детей взрослых работников, а самих их отправлять на пенсию. Таким образом, рабочее место переходило по наследству. И хот вскоре после начала использования данного метода, он был подвергнут критике, сопровождавшейся протестами, что привело к замене его на прием на работу на конкурсной основе, неофициально такая передача должностей родственникам сохранялась [2].

Другой феномен того времени, связанный с клановой ментальностью носит название гуаньси (关系 – связи, отношения). Это явление сравнительно понятно российскому менталитету – благодаря родственным и дружеским связям, связям, полученным во время учебы, работы или прохождения военной службы китайцы могли получить особые привилегии или поблажки в тех или иных делах. Гуаньси является специфической чертой хозяйственной и трудовой жизни в Китае [2].

Реформы, которые дали начальству предприятий, среди всего прочего, возможность решать, какая численность персонала необходима для функционирования производства соответственно его реальным потребностям, таким образом, напрямую конфликтовали с уже устоявшимися общественными системами данвэй и гуаньси, которые наоборот, обеспечивали стабильное трудоустройство, достойную жизнь, выход на пенсию, трудоустройство ближайших родственников и даже помощь в организации похорон.

Это создавало ситуацию, когда, по оценкам китайских специалистов, на государственных предприятиях было занято около 15 млн, а по оценкам иных 25–30 млн «лишних» работников, которые не производили товар, но на содержание которых ежегодно тратилось 50–60 миллиардов юаней.

Если подводить итог системе двойных цен, созданной данными реформами, имела свои положительные стороны. Так, с появлением данной системы, частные компании получили возможность работать с государственными компаниями благодаря появившемуся рыночному механизму. Также, негосударственный сектор получил доступ к источникам сырья, которые контролировались государством. Им более не было нужды вести бизнес опираясь на черный рынок, взаимодей-

стве с которым не только было крайне невыгодно из-за высоких цен, но и чревато юридическими последствиями. Именно благодаря системе двойных цен на всем протяжении 1980-х гг. негосударственный сектор испытывал непрерывный рост [9].

На предприятиях государственного сектора эффект тоже нельзя назвать отрицательным, хотя мало кто ожидал такого исхода, который получился на практике. А именно, реформа не просто ввела в функционирование предприятий элемент делегирования части прав рабочим и перераспределения в их пользу части прибыли. На государственных фирмах возникла многоуровневая система подряда, связывающая результат работы и выручку, которую за нее получит сотрудник. Подряд, ко всему прочему, дал больше свобод сотрудникам предприятий. Появилось разделение: желающие и имеющие возможность предложить свои навыки на рынке или же отличающиеся особым рвением могли заняться производством товаров и услуг для рынка; иные могли продолжать работать на государство, выполнять план. Часть рабочих согласилась попробовать поработать на рынок – но для этого им не пришлось покидать свои предприятия, принадлежащие государственному сектору. Эта ситуация отличалась от процессов введения в экономическую жизнь государства рынка в других социалистических государствах, которые переходили к капиталистической системе. В Китае, рабочие имели возможность испытать свои возможности в конкурентной среде, не теряя уже имеющейся работы. Это помогло им получить опыт работы при рыночной экономике и усвоить ее законы. Государству же, в свою очередь, не пришлось проводить столь болезненный для других бывших стран социалистического мира процесс приватизации. Таким образом, правительство Китая смогло и ввести элементы рыночной экономики в экономическую систему страны, и не причинить вреда социалистическому строю [9].

Следующим шагом КПК решила начать программу по развитию единого рыночного механизма в масштабах всего государства. Это было необходимо, поскольку, в то время, как в нормальных рыночных условиях ценовой механизм

распределяет ресурсы внутри экономики, распространяя информацию акторам рынка о результатах использования ресурсов и перенаправляя их туда, где их использование наиболее выгодно, в китайской децентрализованной экономике, где на местном уровне власть могла свободно вмешиваться в обеспечение ресурсами, и устанавливать свои цены, эти единые для всей страны рыночные механизмы просто отсутствовали. Таким образом, не существовало практики свободного перемещения ресурсов и товаров между провинциями, поселками, городами и иными административными единицами. Только вмешательство государства могло разрешить эту проблему [9].

Практическая реализация идей о развитии рыночного механизма в масштабе государства началась 23 марта 1986 г., когда Госсовет опубликовал «Решения по некоторым вопросам дальнейшего стимулирования горизонтальной экономической интеграции». Этот документ ставил своей задачей поощрение к интеграции предприятий различных регионов страны, с различным руководством. В тот промежуток времени, создание функционирующих горизонтальных связей считалось важнейшим этапом осуществления экономической реформы, поскольку без этого невозможно было преодолеть торговые барьеры, установленные экономической системой Мао Цзэдуна. «Жэньминь жибао» также, в период с 31 марта по 19 мая опубликовала четыре статьи от редакции газеты, в которых призывала к горизонтальной интеграции, и даже давала конкретные советы по её осуществлению [9].

Другой мерой, поддерживающей горизонтальную интеграцию предприятий госсектора, была реформа организации труда, начатая в 1986 г. Правительство начало менять так называемую систему «железной чашки риса» – пожизненной привязки каждого гражданина только к одному месту работы. Предприятия сразу же начали пользоваться подрядными работами, право на который им дало государство в рамках этой реформы. И, несмотря на то, что Госсовет, все же, хотел сохранить у себя право установления общего размера зарплаты на различных предприятиях, ему пришлось сдаться, и, в декабре 1986 г. он предоставил государственным предприятиям право на самостоятельное установление объемов

оплаты труда для рабочих – зарплаты и бонусов. Благодаря этому нововведению, государственные фирмы смогли проявлять гибкость в процессе приспособления к зарождающимся новым условиям рынка и слияния с другими фирмами.

Процесс интеграции разных предприятий госсектора друг с другом имел и иные преимущества. Так, он помогал государственным фирмам расширить свою самостоятельность за рамки простого подряда. На тот момент китайская практика слияния предприятий была такова, что интеграция по горизонтали приводила к созданию «акционерных предприятий». Данное понятие описывает ситуацию, когда крупная компания, при объединении с меньшими, не поглощает их полностью, но выдает каждому такому предприятию некоторую установленную заранее долю акций в образованной в результате слияния новой фирме. Эта модель слияния стала успешной альтернативой подрядной системе и способствовала реализации реформы промышленности. Важно отметить и то, что предприятиям было разрешено, в том числе, выставлять акции на публичную продажу, в целях привлечения капитала, что стало еще одним успешным ударом по крепкому контролю местных органов над предприятиями [9]. И этим правом воспользовалась одна государственная фирма из Шанхая, в конце 1984 г. выставив на продажу свои акции. А в 1986 г. семь государственных предприятий Шанхая объединились и создали акционерную компанию, контролируемую государством [17].

Но, после этого, правительство Китая допустило один серьезный просчет, последствия которого еще долго имели влияние на страну. Он был связан с банками, кредитованием и инфляцией. Но прежде чем перейти к описанию допущенной ошибки, нужно сначала рассказать про реформу банковской системы в КНР, которая и привела к проблемам.

До начала реформ в 1978 г. в Китае работал всего лишь один банк – Народный банк Китая. Он находился в подчинении у центрального правительства и был подконтролен министерству финансов КНР. Главной целью его деятельности было финансирование производственных планов госпредприятий. До начала реформ одного этого банка было вполне достаточно, ведь при плановой экономике, ца-

рившей тогда, не предполагалось кредитование населения и предприятий. У жителей Китая не было сбережений, которые можно было бы положить в банк. Так, в 1978 г. Всемирный банк оценивал сбережения домашних хозяйств в Китае в 3,4 % от общего объема сбережений, в то время как государственные сбережения насчитывали 43,4 %, а сбережения государственных предприятий – 53,2 %. Однако, после начала реформ ситуация изменилась в корне. К началу 1990-х гг. сбережения домашних хозяйств насчитывали от 25 % до 50 % общего объема сбережений в стране.

Реформа банковской системы в Китае проводилась в несколько этапов. На первом, правительство создало двухуровневую структуру банков. В результате этого, как упоминалось в первой главе, Народный банк Китая стал Центробанком, а четыре новых государственных банков взяли на себя функции по ведению традиционного банковского бизнеса – хранению вкладов и выдаче кредитов. Этими новыми банками стали Сельскохозяйственный банк Китая, созданный в феврале 1979 г., и занимавшийся кредитованием сельского хозяйства, Банк Китая, созданный в марте 1979 г., совершающий операции в сфере инвестиций и внешней торговли, Народный строительный банк, получивший независимость от министерства финансов в августе 1979 г. и занимавшийся вложениями в основной капитал, и Промышленно-торговый банк Китая, основанный в 1983 г., который проводил все операции, не входящие в сферы деятельности остальных банков.

Создание новых банков завершило эпоху монополии Народного банка Китая. Он, теперь ставший Центральным банком, был отделен от остальных отраслевых банков, функционирующих в качестве коммерческих банков. Четыре новых банка теперь должны были бороться за друг с другом за вклады населения и предприятий, однако, одновременно с этим они имели клиентов, определенных государством, которые гарантированно будут пользоваться их услугами. Поэтому отраслевые банки не утруждали себя такими нормальными в капиталистических странах моментами как скрининг и мониторинг рынка, ведь правительство часто само за них решало, куда инвестировать капитал и в каком количестве.

Особенностью банковской системы Китая заключалось еще и в том, что у местных властей было больше возможностей добиваться инвестиций, чем у государственных предприятий. При существовавшей тогда системе децентрализованного управления, местные органы власти видели выделявшиеся правительством инвестиции как общий фонд, поэтому активно боролись за квоты и кредиты. Центральное правительство, к тому же, часто шло на уступки местным органам власти, в том числе, выделяло дополнительные кредиты, не предусмотренные планом. У местных властей была возможность оказывать давление на региональные подразделения банков. Возможность, которой региональные власти часто пользовались. Все это приводило к тому, что Китай испытывал явление, известное как «инвестиционный голод». То есть, существовал дефицит инвестиций. Более того, этот «голод» становился все сильнее, не в последнюю очередь благодаря следующей особенности китайской экономики.

Китайское правительство, со середины 1950-х гг., проводило политику субсидирования индустриализации, и для этого искусственно завышало цены на продукцию промышленной сферы. Но этого нельзя было достичь без занижения цены ресурсов и товаров сельского хозяйства. Реформы, конечно, уменьшили разрыв в ценах, однако промышленность всё равно оставалась более прибыльной сферой экономики, чем сельское хозяйство. Поэтому местные власти, как и предприятия, особенно негосударственные, пытались добиться от центральных властей больше промышленных инвестиций.

Следующий этап банковской реформы начался после Третьего пленума ЦК КПК 12-го созыва в 1984 г. Он был направлен на предоставление большей свободы и независимости отраслевым банкам в сфере кредитования, с целью повышения их конкурентоспособности. Была предложена система, в соответствии с которой Центральный банк сначала устанавливал сумму, которую каждый банк мог использовать для кредитования, а затем, эти банки уже имели свободу самим решать, как выдавать кредиты в пределах этой суммы. В конце 1984 г. из Центрального банка произошла утечка информации, которая гласила, что общая сумма

кредитов, которые Центральный банк предоставит отраслевым на 1985 г. будет зависеть от реальных объемов кредитования в 1984 г. Это привело к увеличению активности четырех отраслевых банков по выдаче кредитов.

В дополнение к этому, министерство труда КНР в этот же самый период разрабатывало реформу зарплат. Их идея заключалась в том, чтобы при повышении зарплат в 1985 г. опираться на зарплаты в 1984 г. Это создало ситуацию, при которой государственные предприятия захотели взять кредиты для повышения зарплат рабочим, а банки искали любую возможность выдать как можно больше кредитов. В численном эквиваленте это выразилось в увеличении объема банковских кредитов в декабре 1984 г., по сравнению с декабрем 1983 г. почти на 50 %. Премии сотрудников госпредприятий выросли практически в два раза, общая сумма зарплат возросла на 38 %. Денежная масса в стране в последнем квартале 1984 г. увеличилась на 160 %. За весь год в целом, она увеличилась на 50 % к прошлому году и была на 45 % больше плановых показателей. Такие данные позволяли спрогнозировать увеличение инвестиций и потребления, что создавало самые благоприятные условия для роста инфляции.

И действительно, столь активная банковская деятельность по выдаче кредитов ускорила рост инвестиций в промышленность. Промышленный сектор развивался, особенно благодаря волостным и поселковым предприятиям. Однако, шел параллельный процесс роста инфляции. В 1985 г. рост инфляции составил 9,3 %, тогда как в 1984 г. эта цифра была 2,8 %. В 1986 г. рост инфляции был 6,5 %, а в 1987 г. он поднялся до 7,3 %. Правительство Китая не стало предпринимать особых действий по снижению роста инфляции, предполагая, что это естественный процесс.

В 1988 г. правительство КНР объявило о проведении новой реформы ценообразования. Она была необходима для преодоления «болезни роста», проявившейся на госпредприятиях в связи с системой двойных цен. Эта новость вызвала негативную реакцию экономики. Ускорила инфляция, индекс потребительских цен вырос с 9,5 % в январе до 16,5 % в июне, затем дошел до точки в 19,3 % в июле, и увеличился в два раза, до 38,6 % уже в августе. В китайских городах началась па-

ническая закупка товаров населением. Такое положение дело показало китайскому правительству, что проведение дальнейших реформ может стать угрозой политической стабильности государства, поэтому оно решило не продолжать реформы ценообразования. В общем, процессы преобразований в экономике либо приостановились, либо вовсе обратились вспять. В сентябре 1988 г. правительство решило начать программу по «корректировке и реорганизации», которая продлилась следующие четыре года [9].

Реформа политической системы, о которой Дэн Сяопин начинал разговор еще в 1980 г., проводилась не так, как того желало бы общество. К концу десятилетия существующее в политике положение вещей подвергалось все большей и большей критике со стороны интеллигенции. Их поддерживал Ху Яобан, бывший на тот момент Генеральным секретарем партии. Начиная с весны 1986 г., его сторонники стали обращаться к ученым-обществоведам с просьбой о более активном участии в разработке реформы, высказывании своих взглядов. Сторонники политических преобразований искали социальную поддержку для своих начинаний среди научной и университетской интеллигенции и студентов [15].

«Жэньминь жибао» опубликовала 30 августа 1986 г. редакционную статью под названием «Политические вопросы тоже можно обсуждать», с призывом к обществу об открытом обсуждении политики. В первых числах сентября 1986 г. Чжао Цзяян послал записку Дэн Сяопину, в которой он связывал дальнейшее развитие Китая с необходимостью проведения политических реформ. В ней также содержалось предложение по формированию группы по структурному изучению политической реформы при ЦК, в состав которой он хотел включить Ху Цили, вице-преьера Тянь Цзиюня, зампреда Комиссии советников Бо Ибо. И Дэн Сяопин поддержал эту идею, поставив перед этой группой цель разработать к 13 съезду варианты по реформированию механизма политики. Он ставил три задачи перед этой реформой: «Во-первых, обеспечить жизненные силы партии и правительства, во-вторых, преодолеть бюрократизм, в-третьих повысить активность низовых организаций и масс» [15].

Группа начала свою работу, 13 сентября 1986 г. произошла встреча Дэн Сяопина с Чжао Цзяном, Яо Илинем и Тянь Цзюнем, на которой Дэн Сяопин сказал следующее: «Без проведения реформы политической системы будет тяжело провести реформу экономической системы...цели реформы политической системы – привести в движение активность народа, повысить эффективность, преодолеть бюрократизм (власти)». По его мнению, содержанием реформы, в первую очередь, должно быть разделение функций партии и правительства, улучшение руководства партией, а после этого – передача полномочий вниз и выстраивание вертикальных отношений центральной и местной властей. Дэн Сяопином особо было подчеркнуто, что «при проведении реформы нельзя копировать Запад, нельзя проводить либерализацию». По его мнению, одним из плюсов уже существующей политической системы является быстрота принятия решений, которая может исчезнуть, если в результате реформ будет создана система сдержек и противовесов, аналогичная западной. В целом, этот разговор явился подтверждением того, что работа по разработке реформ должна проводиться и Дэн Сяопин согласен с их необходимостью [15].

Однако, уже через несколько недель, 28 сентября 1986 г., на шестом пленуме ЦК КПК 12 созыва, Дэн Сяопин резко высказал необходимость борьбы с «буржуазной либерализацией». Такие речи и проявили истинный смысл реформ в его понимании, который заключался в сокращении численности аппарата государственного и партийного управления при одновременном повышении его эффективности и повышении деловых качеств чиновников, а вовсе не в демократизации политической системы КНР [15].

Просчеты государства в проведении реформ присовокупились к еще одному моменту, отставке Ху Яобана в 1987 г. Он был одним из самых прогрессивных членов партии, занимал пост генерального секретаря партии в период с 1980 г. по 1987 г. Его главной идеей был либеральный подход и прагматизм в политике, толерантность и здравый смысл. Однако однопартийцы были гораздо консервативнее Ху Яобана, в связи с чем у последнего часто возникали идеологические кон-

фликты с остальной партией. Ведь он ратовал за свободный обмен мнениями, критиковал «феодалный деспотизм» и политическую диктатуру КПК. Во время кампании «против духовного загрязнения» в 1983–1984 гг., Ху Яобан подвергся критике за слишком терпимое отношение к интеллигенции. Он не хотел поддерживать однопартийную систему в Китае, но создать пространство для свободной политической дискуссии в стране, что партия считала признаком слабости.

Формальной причиной отставки Ху Яобана явился его отказ применять силу против первых студенческих демонстраций в 1985–1986 гг. Сутью этих демонстраций было желание молодых китайцев проведения дальнейших демократических реформ в стране и соблюдение прав человека. Эти, полностью политические запросы подпитывались и объективными бытовыми проблемами – например, низкое качество еды в студенческих столовых. В 1986 г. в городах с большим населением студенческого возраста, например, в Пекине, Шанхае, и прочих, прошли массовые демонстрации. Ху Яобан не стал применять насилие для борьбы с демонстрантами, и такое решение не было поддержано ни партией, ни, что очень важно, Дэн Сяопином. И, несмотря на то, что Дэн Сяопин не являлся ни генеральным секретарём партии, ни её председателем, его фигура, его личность придавала ему статус лидера [22]. Поэтому, не получив поддержки Дэн Сяопина, Ху Яобан был вынужден уйти в отставку.

Через два года, а именно 15 апреля 1989 г. Ху Яобан неожиданно умер. И именно с массовых собраний по почтению памяти любимого вождя начались гражданские волнения 1989 г. [19].

Но смерть Ху Яобана была лишь последней каплей, положившей начало протестам. Сами причины недовольства вызревали с самого начала проведения реформ. Партия хоть и заявляла, что эти экономические реформы будут реформами «без проигравших», не смогла сдержать своих обещаний. Более того, объективно говоря, реформы так или иначе бьют по тем или иным членам общества. И даже если в целом государство выигрывает от реформ, положение граждан и их разнообразных объединений может изменяться в следствии преобразований, что

произошло во время процесса реформ 1980-х гг. Студенты были одними из первых, кто испытал на себе негативные последствия реформ. Из-за инфляции конца 1980-х гг. правительство изменило систему стипендий. Раньше студентам выдавалась стипендия от нуля до 27 юаней каждый месяц в зависимости от достатка семьи. В среднем студенты получали стипендию в размере от 10 до 27 юаней. 20 юаней в месяц могло хватить чтобы студент мог прожить. Однако, инфляция привела к тому, что эта сумма оказалась ничтожной, а у правительства не было денег обеспечить всех студентов достойно стипендией. Поэтому она решила давать стипендии только достойным, хорошо учащимся студентам, одновременно с этим увеличив объем стипендий до 500 юаней в год. Но проживание в Пекине в 1988 г. обходилось в 100 юаней в месяц. Так или иначе, это изменение ухудшило жизненные условия большинства учащихся университетов и привело к росту недовольства реформами [20]. Стоит отметить также, что те граждане страны, которые имели те или иные связи с правительством и политическую мощь смогли воспользоваться проводимыми реформами для своего обогащения, которое воспринималось подавляющим большинством населения как коррупция. Люди считали, что правительственные чиновники, обладавшие доступом к ресурсам производства, и руководители государственных предприятий вместе создали схему, в которой они могли обогащаться, благодаря арбитражным операциям, ставшим возможным с введением системы двойных цен. Правительство пыталось снизить нарастающее социальное негодование коррумпированными чиновниками. Так, к началу 1989 г. около 70 % из 40 тысяч членов партии, являющихся по совместительству руководителями предприятий, вышедшие на пенсию или нет, были вынуждены уйти в отставку со своих постов в государственных фирмах, включая почетные должности в правлениях [3]. Недовольство этим коррупционными схемами среди населения было столь велико, что обычные граждане присоединились к студенческим демонстрациям. Они требовали ухода Дэн Сяопина и других лидеров его поколения в отставку или же их «публичного суда» [6].

И именно это больше всего напугало китайское правительство. До этого в демонстрациях участвовала небольшая доля населения, только студенты. Но в 1989 г. все поменялось, и теперь большинство стало следовать за меньшинством. Чиновники в своих докладах Дэн Сяопину называли митинги «антиреволюционной смутой», а 26 апреля 1989 г. газета «Жэньминь Жибао» выпустила статью под названием «Выше флаг, не бойся смуты», в которой обвинила нескольких участников демонстраций в заговоре с целью подрыва политической стабильности и единства китайского народа и погружения страны в смуту, назвав этих людей, при этом, «черными руками». Но статья возымела противоположный эффект. Активисты движения не испугались обвинений, а наоборот, почувствовали себя справедливо оскорбленными, и с новыми силами продолжили протесты, в которых им оказывали поддержку обычные граждане.

Важно отметить, что демонстрации проводились не только в Пекине, но и по всей стране. В общей сложности около 130 городов были охвачены протестами, но Пекин оставался эпицентром митингов, и именно туда направились многие студенты, для оказания поддержки. Правительство не стало связываться с местными властями или министерством путей сообщения с целью предотвращения данных перемещений по стране, и позволило людям беспрепятственно добраться до столицы. Студентам даже предоставлялось право бесплатного проезда до Пекина. Однако это оказалось очередным просчетом со стороны партии, ведь столь высокая концентрация протестующих со всей страны внесла дополнительный хаос в демонстрации. В движении неизбежно стали проявляться более радикальные элементы, которые позже встали во главе митингов. 13 мая сотни студентов объявили голодовку. Противостояние протестующих и партии накалялось, никто не хотел сдавать позиции. 20 мая в Пекине был объявлен режим военного положения, но реализовать его фактически правительство не смогло из-за сопротивления как демонстрантов, так и простых жителей города. 50 тысяч военнослужащих, направленных в центр Пекина, на площадь Тяньаньмэнь, для выполнения приказа, были остановлены студентами и горожанами, а через два дня вовсе отступили.

Такое положение дел привело к двум вещам: усилению конфликта и зарождению у демонстрантов мысли о том, что они смогут выиграть эту конфронтацию с правительством, если они проявят стойкость и единство. Но люди недооценили партию, привыкшую лишь к революциям, войнам и борьбе, но не к диалогу и сотрудничеству. И даже несмотря на то, что основанный еще 28 апреля 1989 г. Союз самоуправления пекинских студентов много раз пытался создать диалог между студенчеством и партией, власть решила иначе [5]. Поэтому, в ночь с 3 на 4 июня 1989 г., по команде Дэн Сяопина, вооруженные армейские подразделения силой, при помощи танков и бронетранспортеров, взяли под контроль площадь Тяньаньмэнь. Жертвой данных событий пали сотни граждан Китая.

Протесты на площади Тяньаньмэнь и их ликвидация ударили по проведению экономических реформ в Китае. Страна потеряла репутацию на международной арене, что привело к падению объема иностранных инвестиций в страну, снизился объем и международной торговли. Реформы сворачивались и откатывались, частный бизнес оказался в самой сложной для себя ситуации с самого начала реформ. Плюсом в данной ситуации являлось то, что разгон демонстрантов не стал началом массового преследования всех недовольных политикой в стране, как это было раньше, во времена «культурной революции». Китай не стал закрываться от мира. Десять лет реформ изменили китайскую политику. К тому же, в исторической перспективе, данные протесты хоть и замедлили ход реформ, полностью их не остановили. Взяв паузу в четыре года для регуляции ситуации в экономике, реформы продолжились в 1992 г. Но протесты лишней раз напомнили партии об отсутствии у нее институциональных механизмов для решения проблем недовольства населения и об отсутствии политических умений увлечь за собой народ мирными методами.

Протесты и массовые демонстрации не смогли поколебать уверенность Дэн Сяопина в выбранном пути. Для него всегда оставалось главным то, что экономика Китая не должна вернуться к системе Мао Цзэдуна. Страна ни в коем случае не должна была снова закрыться от внешнего мира. Экономика должна быть гибкой,

свободной и открытой. Одновременно с этим, он не желал, чтобы таковой была политика, поэтому отказался, как и в 1986 г. включать в проводимые политические реформы пункты, которые бы перенесли на китайскую почву американскую модель трех ветвей власти [14].

На четвертом пленуме ЦК КПК, который состоялся вскоре после событий на площади Тяньаньмэнь Генеральным секретарем партии был избран Цзян Цзэминь. Чжао Цзыян, который занимал этот пост до него был отправлен в отставку «за поддержку беспорядков и раскол в партии». 30 сентября 1989 г. было проведено программное выступление Цзян Цзэминя, посвященное 40-й годовщине образования КНР. На этом выступлении Цзян Цзэминь подтвердил анализ событий, проведенный Дэн Сяопином и согласился проводить прежнюю политику. Цзян Цзэминь также отметил 10 главных направлений дальнейшей деятельности КПК:

1. Отстаивание «четырех основных принципов» при проведении дальнейшей политики реформ и расширения внешних связей;
2. Выполнение стратегического плана хозяйственного развития и упорядочивания экономики;
3. Отстаивание рыночной экономики в сочетании с рыночным регулированием;
4. Развитие многоукладной экономики с сохранением ведущей роли общественной собственности;
5. Сохранение множества форм распределения, среди которых главным остается распределение по труду;
6. Усиление роли сельского хозяйства в экономике и иных базовых отраслей экономики, и урегулирование экономической структуры;
7. Строительство социалистической демократии и правопорядка;
8. Строительство социалистической духовной культуры;
9. Усиление руководства рабочего класса, укрепление союза крестьян и рабочих, укрепление сплоченности всех национальностей;
10. Усиление партийного строительства [14].

Однако, нельзя сказать, что протестующие не добились поставленных перед собой целей. Протестанты, среди всего прочего, были недовольны увеличившимся имущественным разрывом между обычными людьми и партийной верхушкой. Именно эту причину общественных возмущений попыталось решить «Постановление о скорейшем решении ряда проблем, являющихся предметом всеобщей озабоченности» принятое ЦК КПК и Госсоветом КНР 28 июня 1989 г. Оно указывало, что отныне детям высокопоставленных чиновников было запрещено заниматься коммерческой деятельностью и частным предпринимательством и до 1 сентября 1989 г. они были должны освободить уже занимаемые руководящие должности, было отменено снабжение отдельными категориями продуктов и товаров руководителей высшего звена, был введен контроль за эксплуатацию чиновниками легковых автомобилей и был введен запрет на импорт западных автомобилей, члены ПБ, секретариата ЦК, ПК ВСНП, Госсовета должны были пересесть на автомобили китайского производства, был введен запрет на организацию приемов и закупку подарков за казенный счет, строго регулировались поездки за границу и расследование должностных преступлений [15].

Таким образом, в заключении к данной главе, можно сказать, что в период 1985–1989 гг., после оптимистичного начала реформ, проявились первые проблемы, вызванные преобразованиями. К ним можно отнести и коррупцию, которая принимала все большие масштабы, и проблемы в системе ценообразования и банков, которые привели к инфляции, и неспособность партии выстроить адекватные отношения с обществом, что отчетливо проявилось во время событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Этот период, также, стал проверкой партии на прочность. Вышеперечисленные проблемы могли расколоть партию, и предпосылки для того были, ведь не все ее члены поддерживали новый курс. Были и те, кто сопротивлялся реформам. Протесты 1989 г. также могли стать переломной точкой для партии, возможно, даже ее концом, не прояви КПК известную степень жесткости в подавлении недовольства. Однако, партия выстояла, вынесла уроки из своих ошибок, и продолжила проводить ту политику, которую считала нужной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начав свою работу с описания периода, который на два года предшествовал заявленному в теме, я хотел дать понять, какие обстоятельства привели к принятию тех политических реформ, которые Дэн Сяопин и его соратники предложили государству. Попытки проведения Хуа Гофэном, который после смерти Мао Цзэдуна получил власть, «скачка вовне» показали необходимость и желание коренных преобразований. Однако, его неумелая попытка этим скачком повторить путь Мао, повторить «большой скачок» также свидетельствовали о том, что для новой жизни нужны новые методы.

Тогда, в конце 1978 г. на историческом третьем пленуме ЦК КПК 11-го созыва, Дэн Сяопин, который, к тому моменту, неформально стал во главе власти объявил о решении провести кардинальные изменения во многих сферах жизни своей родины. Он смог вывести Китай из «смутного времени» Мао Цзэдуна, которое было наполнено бесконечной внутривластной борьбой, иррациональными экономическими программами, бессмысленным превосходством идеологии. С приходом новой эры «реформ и открытости» Китай стал опираться на практику, а не на теорию, на реальность млн людей, а не на идеи одного вождя.

Прошлое страны не было забыто, ведь китайский народ во всем опирается на уже имеющийся исторический опыт, однако новое правительство жестко расправилось с тем, что осталось после горьких времен «культурной революции» – был проведен суд над «бандой четырех» и помощниками Линь Бяо. Это было необходимо, потому что эти люди являлись символами старого времени, и суд над ними показывал, что новая политическая верхушка готова пойти на многое, чтобы установить новый порядок. У этого, однако, была и обратная сторона, которая

проявилась, когда на площади Тяньаньмэнь, в конце 1980-х гг. была подавлена демонстрация студентов. Партия не хотела возвращения к тирании подобной Мао Цзэдуну, но и не собиралась вводить демократические порядки, родственные западным.

Изменения в политике, касались, в первую очередь, экономики. Произошли реформы в деревне, которые позволили крестьянам обрести большую свободу от плана и от старой системы административного управления. Большие полномочия были переданы дворовым бригадам. Люди имели право сами решать, что они решат выращивать, а излишек – впервые за долгое время – продавать на рынке. Это произвело невероятно огромный эффект на экономику страны, ведь свободный ход денежной массы, несомненно, приводит к улучшению экономического положения.

Власть дала свободу для ведения частного бизнеса. В этот период начали появляться первые частные предприятия, так называемые «предприятия волостей и поселков», в которых простые люди могли попробовать свои силы на рынке. Крестьяне могли теперь сделать выбор не заниматься сельским хозяйством, а заняться торговлей. Люди в городах могли сами создать себе рабочее место. Это было особенно важно в условиях, когда возвратившаяся из деревень молодежь, которая была туда послана еще при Мао Цзэдуне, переполнила рынок труда, и не могла найти себе работу.

Реформы Дэн Сяопина сделали шаг в направлении вывода государственных предприятий на рынок. В новой экономической системе, которую он пытался создать, предприятия должны были научиться играть по правилам рынка, а не слепо надеяться на государство. Во время этого процесса была создана система двойных цен, новшество социализма с китайской спецификой, которая заключалась в том, что цена на производимый государственными предприятиями товар менялась, в зависимости от того, были ли ресурсы для производства этого товара закуплены с помощью государства или на рынке. С помощью этой системы у негосударствен-

ных и государственных предприятий появилась экономическая связь, и последние смогли на опыте узнать, как работают закупки на свободном рынке.

Нельзя однозначно оценить реформу банковского сектора. С одной стороны, создание различных отраслевых банков и одного Центробанка смогло поспособствовать развитию рыночной экономики в стране. У людей появилась возможность брать кредиты и делать вклады, что повысило покупательскую активность граждан. С другой стороны, неудачное совпадение реформы ценообразования и установления нового метода выделения отраслевым банкам денег для кредитования привело к невиданному доселе росту инфляции, что стало одним из важнейших факторов протестов граждан Китая на площади Тяньаньмэнь в 1989 г.

Политическая реформа не оправдала ожиданий политически активной части населения Китая, в первую очередь интеллигенции и студенчества. Они, в первую очередь, ожидали, что экономическая либерализация сможет повлечь за собой либерализацию политическую. Но Дэн Сяопин, создавая группу по разработке реформы не раз заявлял, что единственное, чего он ждет от реформы, это оптимизация управления правительством и партией – уменьшение количества служащих, более жесткий контроль за проступками, повышение эффективности. Его устраивала быстрота принятия решений, которая была возможна благодаря природе уже существующей политической системы, и не хотел вводить принцип сдержек и противовесов, который, по его мнению, затормозил бы политику.

Социум двояко встретил смену курса. Вначале, несомненно, у граждан Китая был оптимизм по поводу перемен. Разные слои населения так или иначе начали получать выгоду от прихода нового правительства: никто не наказал инициативу крестьян по созданию подрядной системы на селе, и, хоть ее официально признали только в 1984 г., до этого момента, начиная с 1979–1980 гг. она фактически существовала в деревнях безо всякого сопротивления властей; как было упомянуто выше, появились первые частные предприятия, люди смогли заниматься бизнесом; стали создаваться свободные экономические зоны на юге страны, которые обещали жителям бедных тогда южных провинций процветание. Однако, с ходом

реформ люди начали испытывать разочарование. Оно было вызвано, в первую очередь тем, что создаваемая государством система имела лазейки для имеющих доступ к политической власти людей, которые они могли использовать для обогащения. Чиновники разных уровней наживались на системе двойных цен, появившиеся в экономике вследствие реформ деньги они тратили на себя, проводили махинации с недвижимостью. Затем грянула невиданная инфляция конца 1980-х гг., снизился уровень жизни, ушел в отставку, а затем скоропостижно скончался любимый китайцами Ху Яобан, второй после Дэн Сяопина, и, в отличие от него, официальный лидер КНР в 1980–1987 гг. Всё это вылилось в протестные акции 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, которые были жестоко подавлены в ночь с 3 на 4 июня 1989 г. с применением армии.

Сложно сказать, правильно поступил Дэн Сяопин или нет, когда отдавал приказ о применении силы, но одно можно сказать наверняка – использовав армию он лишний раз доказал, что несмотря на экономическую либерализацию, несмотря на открытость внешнему миру, несмотря на реформы, КПК осталась неспособной установить свободный диалог власти и общества.

Однако, какими бы ни были оценки реформы с точки зрения политиков, экономистов, историков и прочих, будь они моими современниками, или современниками начала их проведения, нельзя отрицать, что именно благодаря этим коренным изменениям, Китай стал тем государством, которым он является сегодня – сильным, с одной из самых мощных и быстроразвивающихся экономик, с большим политическим влиянием на мировую политику.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виноградов, А. В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. Издание второе, исправленное и дополненное / А. В. Виноградов. – Москва: НОФМО, 2008. – 368 с.
2. Гельбрас, В. Г. Экономика Китайской Народной Республики. Важнейшие этапы развития 1949–2007. Курс лекций / В. Г. Гельбрас. – Москва: Гуманитарий, 2007. – Ч. 1. – 428 с.
3. Гельбрас, В. Г. Экономическая реформа в КНР. Очерки, наблюдения, размышления / В. Г. Гельбрас. – Москва: Международные отношения, 1990. – 312 с.
4. Гельбрас, В. Г. КНР Поиск новой модели развития / В. Г. Гельбрас // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 3. – С. 3–9.
5. Герасимова, Т. Г. Отечественная научная литература о событиях на площади Тяньаньмэнь 1989 г. / отв. ред. Д. А. Смирнов // Проблемы новой и новейшей истории Китая. – Москва: ИДВ РАН, 2018 г. – С. 55–89.
6. Иванов, А. И. Почему коммунистический режим в Китае пережил 1989 г.? / А. И. Иванов // Россия и АТР. — 2016. — № 3 (93). — С. 49–65.
7. Китайская Народная Республика в 1980 году: Политика, экономика, идеология / М. И. Сладковский, В. И. Потапов, Г. В. Астафьев и др. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – 256 с.
8. Китайская Народная Республика в 1981 году: Политика, экономика, идеология / М.И. Сладковский, В. И. Потапов, Г. В. Астафьев и др. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. – 269 с.

9. Коуз, Р. Как Китай стал капиталистическим / Р. Коуз, Н. Ван; пер. с англ. А. Разинцева. – Москва: Новое издательство, 2016. – 386 с.
10. Молодцова, Л. И. Особенности формирования промышленной системы КНР (1949–1985) / Л. И. Молодцова. – Москва: Наука, 1988. – 282 с.
11. Пивоварова, Э. П. Социализм с китайской спецификой / Э. П. Пивоварова. – Москва: ИД «ФОРУМ», 2011. – 352 с.
12. Портяков, В. Я. Китайская народная республика: поиск путей социально-экономического развития (конец 70-х – первая половина 90-х годов). Часть 1. Из истории зарождения экономической реформы в Китае / В. Я. Портяков; отв. ред. к.э.н. И. Н. Коркунов. – Москва: Институт Дальнего Востока РАН, 1995. – Ч. 1. – 196 с.
13. Портяков В. Я. Китайская народная республика: поиск путей социально-экономического развития (конец 70-х – первая половина 90-х годов). Часть 2. «Золотой век» экономической реформы в Китае (проблемы и процессы 80-х годов) / В. Я. Портяков; отв. ред. к.э.н. И. Н. Коркунов. – Москва: Институт Дальнего Востока РАН, 1995. – Ч. 2. – 196 с.
14. Смирнов Д. А. Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину / Д. А. Смирнов. – Москва: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. – 324 с.
15. Тихвинский С. Л. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т. 9: Реформы и модернизация (1976–2009) / отв. ред. А. В. Виноградов. – Москва: Институт Дальнего Востока РАН, 2016. – 996 с.
16. Brandt, L. China's Great Economic Transformation / L. Brandt, T. G. Rawski. – New York: The Cambridge University Press, 2008. – 906 p.
17. Garnaut, R. China: twenty years of economic reform / R. Garnaut, L. Song. – Canberra: ANU E Press, 2012. – 229 p.
18. Naughton, B. The Chinese economy: transitions and growth / B. Naughton. – Cambridge: MIT Press, 2007. – 528 p.

19. Zhang, Y. Civil Society in Post-Mao China: Master of Arts in Political Science Thesis / Y. Zhang. – Burnaby: Simon Fraser University, 1994. – 125 p.

20. Zhao, D. The power of Tiananmen. State-Society relations and the 1989 Beijing Student Movement / D. Zhao. – Chicago: The University of Chicago Press, 2001. – 433 p.

21. Постановление ЦК КПК по вопросам реформирования экономической системы [Электронный ресурс]. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/134902/8092122.html> (дата обращения: 11.04.2019).

22. Evans, R. Deng Xiaoping and the Making of Modern China / R. Evans – Shanghai: Shanghai Renmin Press, 1996. – 452 p.